

Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека

Президент в режиме видеоконференции провёл ежегодное заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека.

7 декабря 2022 года 19:35 Москва, Кремль

В.Путин: Уважаемые коллеги, добрый день!

Прежде всего поздравляю вас с наступающим Днём прав человека. Наши встречи традиционно приурочены именно к этому событию. Оно имеет прямое отношение к каждому из вас, а также к экспертам, консультантам Совета, к работникам его аппарата.

Ваша общая работа по защите прав, свобод и законных интересов людей идёт в постоянном режиме. Для многих из вас эта, без всякого преувеличения, многогранная деятельность стала, по сути, судьбой, призванием, вдохновляющим других людей делом жизни. Вы относитесь к нему с душой, не жалеете ни времени, ни сил, чтобы помогать тем, кто нуждается в поддержке и заботе. Я хочу искренне поблагодарить вас за эту крайне ответственную и благородную миссию.

Отрадно, что ваша активность не снижается по тем направлениям, которые Совет постоянно держит в фокусе своего внимания. Это образование, здравоохранение, экология, права детей, процесс цифровизации – здесь много очень вопросов.

Знаю, что вы завершили работу над проектом Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации и плана мероприятий по её реализации. Важно и ваше неравнодушное, настойчивое участие в решении проблемы обеспечения лекарствами всех категорий,

нуждающихся в лекарственных препаратах, но прежде всего, конечно, онкологических больных.

Большинство рекомендаций Совета реализуются и федеральным Правительством, и региональными властями. Это говорит о том, что растёт степень проработки выводов и экспертиз, которые вы предлагаете.

Сегодня мы планируем с вами обсудить вопросы развития законодательства о некоммерческих организациях, обеспечения прав граждан в судебном процессе, сохранения культурного наследия, да и многие другие.

Большой блок посвящён специальной военной операции. С первого же её дня Валерий Александрович Фадеев и большинство членов Совета заняли абсолютно чёткую гражданскую позицию: разъясняют истинные причины и необходимость проведения специальной военной операции, борются с откровенным расизмом и агрессивной русофобией, с наглой ложью и подлыми, без всякого преувеличения, подлыми подделками, которые распространяются зарубежными СМИ и другими пропагандистскими ресурсами.

Ваша работа по отстаиванию прав, правды, права нашего народа, людей, проживающих на Донбассе, нашего культурного наследия, традиционных ценностей имеет огромное значение.

Важно, что вы продолжаете разоблачать преступления нацистского режима, который утвердился в соседней стране. Ведь права жителей многострадального Донбасса в течение восьми лет, как мы многократно это подчёркивали, полностью игнорировались мировым сообществом – так называемым мировым сообществом.

Наш же Совет многократно обращался к этой теме, направлял информацию в соответствующие международные институты, призванные обеспечивать и поддерживать права человека, продвигать права человека, но там – во многих из них во всяком случае, в большинстве из них, которые сегодня выступают в качестве обвинителей, – делали вид, будто все они разом ослепли или оглохли.

И только после начала специальной военной операции СПЧ ООН, Совет Европы, другие так называемые правозащитные организации внезапно «прозрели»

и беззастенчиво стали демонстрировать свою циничную ангажированность, причём, я бы сказал, циничную ангажированность, перекладывать вину с больной головы на здоровую, как у нас говорят.

Всё это означало, что эти структуры не способны выполнять свои уставные задачи. Ввиду их очевидной предвзятости Россия была вынуждена отказаться от членства в ряде этих организаций.

Полагаю, что наш Совет как институт, работающий с широким кругом общественных организаций в России и за рубежом, мог бы стать эффективной международной площадкой, где бы обсуждалась проблематика прав человека и их защиты в современном мире.

Существующие подходы требуют всестороннего анализа, так как их стали применять для достижения совсем других, далеко не благих целей. В частности, мы видим, что доктрина прав человека используется для разрушения суверенитета государств, для оправдания западного политического, финансово-экономического и идеологического доминирования.

Уважаемые коллеги!

Я благодарю вас за деятельную помощь нашим гражданам, проживающим на новых территориях. Некоторые из вас стали там настоящим голосом народа. Так, журналистка Марина Магомеднебиевна Ахмедова работает на Донбассе ещё с 2014 года, с началом специальной военной операции не раз посещала передовую, я знаю, занималась организацией гуманитарной помощи жителям освобождённого Мариуполя и Волновахи.

В этом году состав Совета значительно обновился, это тоже хотел бы отметить. В него вошли известные люди, лидеры общественного мнения. Среди них – член президиума общественного движения «Свободный Донбасс» Елена Николаевна Шишкина, а также Ольга Юрьевна Демичева, возглавляющая «Справедливую помощь Доктора Лизы».

Эта структура – мы хорошо знаем её – организует лечение тяжелобольных детей с Донбасса, оказывает поддержку эвакуированным. В своё время именно доктор Лиза – Елизавета Петровна Глинка – была первой, кто поднял эту тему

на заседаниях Совета, и первой, прямо надо сказать, буквально под пулями стала вывозить детей из Донбасса на лечение.

Я рассчитываю, что ваш опыт и знания принесут большую пользу нашим новым территориям в становлении там институтов гражданского общества и современного некоммерческого сектора.

Считаю также важным, чтобы обновлённый Совет продолжал вносить свой вклад в реализацию стоящих перед страной и обществом задач, работать настойчиво, смело, поднимать проблемы, которые волнуют людей, и вместе с органами власти добиваться их решения.

Время, действительно, непростое, и ваше мнение, ваша позиция, ваши публичные выступления, заявления должны быть, конечно, выверенными, работать на объединение общества. Собственно говоря, так оно и происходит.

Предлагаю начать нашу работу. Пожалуйста.

Валерий Александрович, прошу Вас.

В.Фадеев: Спасибо, Владимир Владимирович.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые коллеги!

В своей работе Совет сосредоточен на главных, самых сложных обстоятельствах страны.

Специальная военная операция. Многие члены Совета неоднократно посещали зону проведения СВО, и Вы, Владимир Владимирович, только что об этом сказали. Коллеги работают с беженцами в российских регионах. Совет установил рабочее взаимодействие с органами власти и структурами гражданского общества в новых регионах России. Сегодня члены Совета поделятся своими впечатлениями.

И раньше, и тем более после вхождения в состав России новых субъектов Совет фиксировал свидетельства преступлений киевского режима в отношении мирного

населения. Соответствующие бюллетени направляются Советом более чем в 1800 адресов: в международные правозащитные организации, депутатам европейских парламентов, редакторам ведущих западных средств массовой информации. На данный момент в них зафиксировано 4334 прилёта снарядов и ракет ВСУ в Донецке, Иловайске, Горловке, Макеевке, Рубежном, Сватове и других населённых пунктах. Эти обстрелы производились не в ходе боевых действий, их целями были не военные объекты, а мирное население, жилые дома, школы, больницы.

Осенью в международные правозащитные организации была направлена информация о преследовании гражданского населения в Харьковской области, о казнях в Купянске, обстреле переправы в Херсоне, казнях российских военнопленных. Должной реакции мы пока не дождались. Есть отдельные ответные письма из Ватикана, Красного Креста, от некоторых депутатов парламентов европейских стран. Международные правозащитные организации молчат.

Отсутствие реакции показывает, что международные институты защиты прав человека политизированы и ангажированы, фактически они не выполняют свои функции. Западное сообщество отказалось от защиты прав жителей Донбасса ещё в 2014 году, но актуальность этой проблемы стала ещё более очевидной с началом специальной военной операции. Наш Совет продолжит добиваться выполнения своих уставных задач Советом по правам человека ООН, Советом Европы и другими международными институтами.

Но в то же время мы начали международный диалог о необходимости модернизации, реформирования этих институтов. В июне этого года на Петербургском юридическом форуме мы провели первый круглый стол по этому вопросу. Несмотря на заявления немецких партнёров о намерении прекратить работу форума «Петербургский диалог», мы прикладываем усилия к сохранению этих контактов. Только что, в ноябре, мы вместе с немецкими коллегами, а также представителями Китая, Аргентины, Узбекистана, Демократической Республики Конго, Ирана провели в Ярославле конференцию по теме гуманизма и прав человека.

В следующем году исполняется 75 лет со дня подписания Всеобщей декларации прав человека. Это фундаментальный документ, он был важным для построения послевоенного миропорядка. Но теперь он часто используется Западом для

навязывания своих ценностей. Новые модные западные ценности доведены до абсурда, они попросту разрушительны. Вряд ли они будут приняты в других частях мира, но вреда принесут много.

Источник этих ценностей неслучаен. Западная концепция прав и свобод основана на понимании человека как автономного индивида. Но для многих народов и цивилизаций, для большинства, индивидуализм не является главной ценностью. Национальные модели должны учитывать религиозную, историческую, культурную специфику.

В своё время были созданы концептуальные региональные документы в области прав человека, например Африканская хартия прав человека и народов. Обращу внимание: «и народов». Речь идёт фактически о суверенитете, о свободе народов от внешнего угнетения: в Африке не забыли колониальные времена. Была подписана Каирская декларация о правах человека в исламе, где зафиксирован в том числе свой взгляд на семейные ценности, и это, конечно, традиционные семейные ценности.

Западные политические институты вместо того, чтобы приветствовать такой подход, такое многообразие – демократическое многообразие, игнорируют эти документы. Запад демонстрирует пренебрежение к странам так называемого третьего мира, а ведь это, замечу, мировое большинство: в этих странах живёт большая часть населения мира.

Нужно искать подлинную всеобщность, искать то, что объединяет человечество, а не разъединяет его. И такая работа должна проводиться при полном равноправии участвующих сторон.

Владимир Владимирович, прошу Вас поддержать нашу совместную с МИДом работу в этом направлении, в частности на полях саммитов БРИКС и ШОС. Предварительные консультации с МИДом, с Сергеем Викторовичем Лавровым я уже провёл.

Частичная мобилизация. В начале проведения частичной мобилизации наблюдалась сумятица в работе военкоматов. В первые же дни Совет указал на недостатки и выступил за неукоснительное и строгое соблюдение правил мобилизации. В частности, призывались граждане не в соответствии с Указом

и законом о мобилизации. Выполнение неких планов не может служить основанием для нарушения закона. Ошибки исправлялись, в том числе и по конкретным гражданам.

В октябре Советом был подготовлен доклад по реализации Указа о частичной мобилизации. Мы получили подробный [ответ] от Минобороны России, профильного комитета Государственной Думы по каждому пункту. Все эти вопросы остаются на контроле Совета.

Выявились правовые лакуны. Совет обратил внимание на неопределённость с возможностью альтернативной гражданской службы по мобилизации. В ноябре эта неопределённость была устранена. Были нарекания по денежному довольствию мобилизованных: размер выплат существенно различался в зависимости от субъекта Федерации. Вы, Владимир Владимирович, своим решением исправили эту ситуацию

Однако, как сообщают коллеги, в частности наш новый член Совета Александр Коц, в зоне проведения СВО есть люди, которым за четыре месяца вообще ничего не начислено, кому-то не пришли региональные доплаты. Это не массовые явления, но с каждым таким случаем необходимо разбираться.

Отмечалось немало случаев завышения цен на экипировку – и когда мобилизованные граждане сами её покупали, и когда региональные власти делали массовые закупки. С этим тоже удалось в целом справиться, государственные институты сработали достаточно оперативно. Тем не менее сейчас в некоторых частях есть проблемы обеспечения мобилизованных зимней экипировкой.

В текущей ситуации фокус внимания Совета смещается в сторону семей военнослужащих. В этой работе очень важен неформальный, человеческий подход. Я уверен, что новые члены Совета – Юлия Белехова, руководитель комитета семей воинов Отечества, Елена Шишкина из движения «Свободный Донбасс», Ольга Демичева – «Справедливая помощь Доктора Лизы», детский омбудсмен [в Ульяновской области] Екатерина Сморода и другие – примут самое активное участие в этой работе. Они уже занимаются серьёзно этой работой.

О некоторых других направлениях работы.

Цифровизация. Как Вы сказали, Владимир Владимирович, по Вашему поручению Совет совместно с Правительством разработал концепцию защиты прав и свобод человека и граждан в цифровом пространстве, и готовится проект указа по этой концепции. Но уже сейчас, не дожидаясь утверждения концепции, можно было бы принять ряд мер, направленных на защиту персональных данных граждан. Об этом подробнее расскажет коллега Кирилл Кабанов.

Закон о пробации. Совет традиционно уделяет внимание положению лиц в местах принудительного содержания. Во взаимодействии с Минюстом России подготовлен законопроект о пробации. Ведётся изучение положительного опыта ресоциализации осуждённых, которые привлекаются к работам через исправительные центры. Весьма положительный пример – мы его изучали и ездили туда – опыт Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Память жертв политических репрессий. Совет продолжает участвовать в реализации Концепции государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. В ноябре межведомственная рабочая группа провела выездное заседание в Томске: там был открыт мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Продолжается работа совместно с руководством Москвы и Московской области по созданию музея на Бутовском полигоне.

О других проблемах, о том, как Совет помогает решать эти проблемы, расскажут коллеги.

Доклад закончен. Спасибо за внимание.

В.Путин: Большое спасибо, Валерий Александрович. Вы некоторые вещи отметили, я не всё прокомментирую.

По поводу проблемы с экипировкой. Мне казалось, что всё уже решено. Тем не менее, если где-то что-то ещё требует особого внимания нашего, то, конечно, я бы Вас просил дать дополнительную информацию – мы обязательно с этим разберёмся, и как можно быстрее.

И вторая важная тема – это поддержка семей мобилизованных наших ребят. Безусловно, это должно находиться в поле зрения всего общества, государства, и, конечно, я очень рассчитываю на вашу поддержку, на вашу помощь

в работе по регионам. Это святая обязанность всех руководителей, руководителей всех уровней, и общественных организаций тоже. Конечно, здесь вопросов, наверное, много: это касается и своевременных выплат соответствующего денежного содержания, да и просто бытовая помощь нужна многим семьям мобилизованных ребят. Поэтому я очень рассчитываю на то, что эта работа будет совместной и эффективной.

Что касается увековечивания памяти жертв политических репрессий, мы не должны забывать и про эту работу, ни в коем случае. Это сложная, тяжёлая страница в нашей истории. История такая, какая она есть, здесь ничего нельзя замалчивать, – я много раз об этом говорил, – ничего нельзя позволять использовать в качестве инструмента для борьбы с Россией вообще и особенно сегодня в частности. Но мы, объективно оценивая всё, что было в нашей истории, должны соответствующим образом реагировать, в том числе это касается и увековечивания памяти жертв политических репрессий. Согласен полностью.

Давайте продолжим. Пожалуйста, Ахмедова Марина Магомеднебиевна.

М.Ахмедова: Владимир Владимирович, добрый день!

Я не так планировала начать своё выступление, но вчера в Донецке опять был сильный обстрел, погибли люди, и среди них член нашей группы, наша коллега Мария Пирогова. Она была волонтером и депутатом ДНР, девушке было всего 29 лет. Мы с начала февраля начали собирать деньги на помощь людям с освобождённых территорий, собирали её на карту Маши. Отвозили помощь в Мариуполь, в Волноваху, во фронтовые зоны. Вчера прилетел украинский «Град», и Машу просто разорвало. Я знаю, что Вы её уже посмертно наградили орденом Мужества, но я всё равно почувствовала, что, наверное, важно будет, если я скажу сейчас о ней Вам и вообще скажу о ней здесь и сейчас.

Ещё я хотела бы сказать о том, – это моё личное мнение, это действительно моё личное мнение, – что я понимаю всю справедливость и неизбежность проведения специальной военной операции. Я в 2014 году впервые приехала в Донецк, когда там всё только начиналось. Я видела, как страдают и гибнут под обстрелами люди. Эти люди, по сути, убивались только потому, что они хотели быть русскими, какими они и были, хотели продолжить говорить на русском языке и хотели быть с Россией. И тогда, в 2014 году, меня очень удивляло, почему мир, который называет себя цивилизованным, не обращает внимания на эти жертвы. Но потом

я поняла, что люди Донбасса просто для них люди второго сорта. Это, конечно, было несправедливо, и я убеждена в том, что это само собой бы не остановилось, это надо было останавливать.

Что касается неизбежности. В 2014 году я работала на Майдане и тогда впервые в жизни увидела, что такое факельные шествия националистов, услышала нацистские кричалки. Протестующие тогда говорили, что они вышли за лучшей жизнью, но почему-то все их протесты всё время сопровождалось антироссийскими лозунгами. От нас, российских журналистов, они требовали, чтобы мы начинали общение с ними с извинения за то, что мы из России. Я, разумеется, этим никогда не занималась – я горжусь своей принадлежностью, но тем не менее для меня было очевидно, что эта агрессия будет расти и сама по себе она не остановится.

И ещё что важно сказать. Все эти восемь лет в какие-то моменты я даже на Вас обижалась, потому что Вы не принимали решения о присоединении Донбасса. Я надеялась, что Вы его примете, но наступали такие моменты, когда надеяться было очень сложно. И я, конечно, осознавала, что Вы делаете всё возможное для того, чтобы не произошло то, что происходит сейчас, то есть я понимала, почему это решение не принималось, но, с другой стороны, то, что происходило, надо было прекращать – это было несправедливо. В конце концов, я также понимала, что если Вы сейчас не примете решение вернуть Донбасс домой, то потом уже этого не сделает никто и мы упустим эту историческую возможность. Поэтому спасибо. Спасибо за то, что Вы вернули наших людей домой.

И ещё спасибо я должна Вам сказать за демобилизацию студентов ДНР и ЛНР. С февраля постоянно встречала этих 18-летних детей с автоматами во фронтовых зонах, и надо сказать, что они никогда не жаловались, они не говорили: «Верните нас домой», – они нормально служили там, куда их послали. Но мысль о том, что им было десять лет, когда Украина напала на Донбасс, и что они детства-то практически не видели, всё равно не давала покоя. Это было справедливо – вернуть их домой, после того как Донбасс стал частью России: всё-таки российские студенты не подлежат мобилизации, а студенты республик тоже стали российскими.

И сейчас я уполномочена людьми попросить Вас о демобилизации других людей – это протезисты. В Донецком ортопедическом центре было много хороших протезистов, но в марте мобилизовали практически всех, то есть всех – остался

только один, и он работает сейчас и днём и ночью. К нему выстроилась очередь, огромная очередь из гражданских и из военных. Мы знаем, что республики Украина регулярно посылает минами-лепестками: люди, дети наступают на эти мины, погибают, теряют конечности, им нужны протезы. Но есть [только] один специалист, и к тому же комплектующие из Германии идут слишком долго, а со своими у нас проблемы, к сожалению.

К тому же военные. Военные – это, пожалуй, даже главная тема, потому что на передовой я постоянно встречала людей на протезах. Они готовы вернуться на передовую, если у них будут протезы, и они, конечно, считают, что именно они принесут победу, потому что у них есть опыт и у них есть дух. Сейчас у них уже зажили культы, но протезов нет. И недавно пришёл в увольнение один из протезистов, он зашёл в [ортопедический] центр в Донецке и сказал, что, когда боевые товарищи узнали, что он протезист, они на него накричали: что ты здесь делаешь, ты нам гораздо важнее в тылу. И это так, потому что нормального протезиста за один год не воспитаешь.

Перед встречей с Вами я даже посетила наши военные госпитали – это Бурденко и Вишневского, чтобы посмотреть, как у них проходит процесс реабилитации. Что тут сказать: это, конечно, близко к идеальному, хотя и там есть свои заминки с протезированием. Но, например, в Донецке нет даже реабилитолога по ходьбе, потому что он тоже мобилизован.

Нужно вернуть протезистов – об этом просят и гражданские, и военные. И наверное, подумать о том, чтобы что-то сделать для того, чтобы у нас были свои комплектующие – комплектующие для создания протезов.

Вот, всё.

В.Путин: Я с начала начну – по ходу Вашего выступления, на что я обратил внимание.

Вы сказали об обстрелах Донбасса, городов Донбасса и отсутствии реакции со стороны некоторых, практически всех наших – в кавычках уже можно сказать – «западных партнёров». Эти правозащитные организации, западные правозащитные организации, – теперь мы в этом окончательно убедились, – создавались не как инструмент борьбы за права человека, а прежде всего как

инструмент влияния на внутреннюю политику России и других стран бывшего Советского Союза.

Да, разные правозащитные организации, конечно, на Западе есть, но в основном они создавались именно для этих целей. Для того чтобы выглядеть нейтральными, время от времени вскользь упоминали о проблемах прав человека в своих собственных странах, но это скорее как исключение. В основном занимались профессионально работой на российском и на постсоветском треке – вот для чего они создавались, это было уже очевидно. Это первое.

Второе. То, что они раньше, в течение восьми лет, не замечали той трагедии, которая происходила на Донбассе, – это лучшее тому подтверждение, тому, что я сказал, и тому, о чём говорил Валерий Александрович, да и Вы сейчас, собственно, упомянули.

Что касается обстрелов населённых пунктов Донбасса. Вы упомянули об одном из них, где погибла Ваша коллега. Я вчера разговаривал с руководителем Донецкой Республики, Пушилин Денис мне звонил. Действительно, удары наносятся прямо по жилым кварталам. Ну не может об этом никто не знать! Все молчат, как будто ничего не происходит. Это, конечно, ужасно.

Вы сказали, что к людям Донбасса относятся как к людям второго сорта. Вы знаете, что хотел бы в этой связи заметить: для тех, кто должен следить за правами человека, – а я только что сказал, с какими целями, на мой взгляд, создавалось большинство из так называемых правозащитных организаций Запада, – для них люди вообще не имеют никакого значения. Они не то чтобы этих людей считают людьми второго сорта – они Россию считают страной второго сорта, у которой просто нет вообще права на существование. Вот в чём дело – в этом вся проблема и вся беда. С этим мы имеем дело на сегодняшний день. Давно, на протяжении нашей истории имеем дело с этим, и сегодня это наиболее ярко проявляется.

Будем исходить из того, что есть. Здесь с нашей стороны может быть только один ответ: последовательная борьба за свои национальные интересы. Мы так и будем делать, и пусть никто ни на что другое не рассчитывает. Да, мы будем это делать разными способами и средствами, прежде всего, конечно, будем ориентироваться на мирные средства, но, если ничего другого не остаётся, будем защищать себя всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

По поводу демобилизации студентов Донбасса. Да, конечно, эти территории, республики вошли в состав России, поэтому на них полностью должно распространяться правовое российское регулирование. Это непростой, длительный процесс, требующий определённого переходного периода, но такие есть вещи, которые нужно делать прямо сейчас, и демобилизация студентов – это одна из таких вещей. Но должен сказать, что не все студенты Донбасса воспользовались этим правом на демобилизацию.

Я только что, буквально день назад, встречался, – может быть, Вы обратили внимание, – с волонтерами. И победитель этого конкурса, он как раз сам из Донецка, мне потом, после этого мероприятия, – буквально очень коротко мы с ним переговорили, – сказал, что, да, конечно, это очень позитивно воспринято в Донецке и на Донбассе в целом, но он знает людей, знает своих товарищей, которые не захотели идти на демобилизацию, а продолжают участвовать в боевых действиях.

Что касается демобилизации некоторых специалистов, в том числе врачей, протезистов, конечно, это нужно рассмотреть, и мы обязательно это сделаем. Но здесь вообще нужно подойти более серьёзно к этим вопросам, которые возникают, а именно поддержки и помощи. Я с матерями ребят, которые принимают участие в специальной военной операции, как Вы знаете, встречался недавно, и некоторые из них поднимают вопросы по оказанию помощи пострадавшим, раненым и получившим инвалидность ребятам. Здесь, безусловно, нужно наладить не только современным образом протезирование, – у нас есть все для этого возможности, – нужно только своевременно, сейчас это время как раз настало, расширить возможности наших соответствующих специализированных предприятий и организаций и наладить эту работу. Это первое.

Второе. Нужно совершенствовать оборудование, нужно обеспечить лекарственными препаратами всех, кто нуждается в этом. Нужно наладить систему реабилитации и оплаты проезда к месту реабилитации и назад, потому что человек раненый, тем более получивший инвалидность, скажем, для него сложно будет или невозможно даже добраться до этих мест реабилитации. Там нужно провести целый комплекс работ по этому вопросу.

Я думаю, что нужно будет в самое ближайшее время в социальном блоке Правительства создать специальный центр, который будет этим заниматься, и где-

то на уровне заместителя губернатора по социальным вопросам во всех регионах Российской Федерации такую линию работы выделить и по мере разворачивания этой работы создать целую систему поддержки людей, которые нуждаются в помощи со стороны государства. Всё это вместе должно быть реализовано, и в самые короткие сроки. Обязательно будем этим заниматься.

То, что Вы подняли этот вопрос, спасибо. Правительство соответствующее поручение получит буквально сегодня-завтра.

Спасибо Вам большое.

Пожалуйста, Валерий Александрович, кто дальше у нас?

В.Фадеев: Владимир Владимирович, Татьяна Георгиевна Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области. Татьяна Георгиевна занимается и ранеными, и пленными, и беженцами, и семьями военнослужащих. Она огромную работу проделывает в той области, о которой мы сейчас говорим.

Татьяна Георгиевна Мерзлякова.

В.Путин: Пожалуйста.

Т.Мерзлякова: Уважаемый Владимир Владимирович!

Сильнейшая информационная составляющая спецоперации позволила людям определиться, сделать выбор, и подавляющее большинство сразу начали искать варианты, как помочь стране в эти дни. Но были и такие, кто покинул, считая, что это не их жизнь. Были и такие, и это самое сложное, пусть небольшая категория, кто остался в стране и радовался её неудачам каким-то в тылу, на фронте.

Писали очень много в социальных сетях, и первое, что я вообще не могла как правозащитник перенести, – это то, что у нас писали, что ребятам негде стирать носки, что они живут неделями голодные, что вспышки педикулёза на фронте. Поэтому мы вместе с командованием Центрального округа приняли решение, что я съезжу и посмотрю, как говорит командование, своими глазами, без двойных стандартов, что же на самом деле происходит.

Я проехала четыре сильнейших подразделения, и я видела везде и бани, и кухни интересные, и, конечно, побывала в наших госпиталях, где работают золотые врачи – просто золотые врачи, – я несу ответственность за каждое слово. И после того, как я вернулась, я рассказала это всем нашим районным газетам, и, конечно, это успокоило матерей.

Через какое-то время появилась новая составляющая информационных фейков – это то, что у нас многие хотят уехать с фронта, что их силой удерживают в каких-то концентрационных лагерях, тюрьмах. Это три психологических центра, в которых работают с ребятами.

Я снова поехала на фронт, в этот раз уже 12 подразделений посетила. Да, были ребята, которые хотели поехать, потому что, – это 80 процентов ребят, с которыми я общалась, а некоторых ребят ко мне подводили сами командиры, – потому что дома что-то беспокоит: им надо помочь, потому что мама больная, её надо привезти в областную больницу из маленькой деревни и так далее. И мы эти обращения отработали в течение недели, когда я вернулась. У нас большая, – я пользуюсь нашим языком, я уже привыкла немножко к фронтовой жизни, – сложность случилась уже в нашей команде вместе с Татьяной Николаевной Москальковой, и наши уполномоченные по правам человека во всех регионах относились с большим вниманием к тому, что я их просила сделать.

Я могу привести пример. Наш тувинский коллега за полдня рассмотрел два обращения и полностью снял все вопросы. И так практически все. Но тем не менее должна признаться, может быть, даже на уровне эмоций, потому что, когда оттуда возвращаешься, очень болезненно воспринимаешь вот это непонимание: «Мы всё делаем по закону, вы что тут хотите? При чём тут спецоперация?».

Когда сейчас случилась мобилизация, наоборот, слава богу, все эти семьи стали окружены теплом, вниманием здесь, на территориях. И я хорошо это вижу, потому что мы делаем вместе с Татьяной Николаевной, когда встречаемся в режиме онлайн и напрямую обсуждаем с нашими коллегами, что делается в территориях.

Но, я скажу, теперь появилась какая-то другая проблема. Наверное, всё-таки мобилизованные – это люди, которые не были готовы к отрыву от этой жизни, и семьи не были готовы, поэтому мы на свою горячую линию в Свердловской области получили с начала мобилизации 13 тысяч обращений. Обращения самые

разные, снимаем их тоже. Но тем не менее этой оперативности не хватает в общении со своими близкими на фронте.

Я знаю, что создана сейчас, на днях, полевая почта. Владимир Владимирович, надо всё-таки сделать всё возможное, чтобы она заработала в кратчайшее время, потому что одно дело – фельдъегерская связь, которая работает на уровне, так скажем, высоких лиц, и другое дело – это всё-таки то, что ждут родные. Наши ребята не могут носить с собой телефоны – в большинстве случаев это вызвать огонь на себя, и родственники очень переживают. Я начинаю говорить об этом с командованием, мне говорят: «Вы что хотите? Это военная операция». А я говорю: «А вы что хотите? Это материнское сердце».

Ещё очень важный момент. Конечно, сейчас, я ещё раз подчёркиваю, на местах многое делается, но я считаю, что нужно сделать так, чтобы с этими ребятами, которые уже начали возвращаться с ранениями, порой с тяжёлыми, – я поддерживаю Марину [Ахмедову] полностью в ситуации с протезированием, – это надо очень серьёзно организовать, есть эти случаи у нас.

Эти ребята нуждаются прежде всего, мне кажется, в том, чтобы с ними работали участники, ветераны боевых действий, потому что не надо превращать этих ребят в социально уязвимую категорию – инвалидов. [Нужно] защитниками Отечества продолжать [быть] и держаться в таком же тоне и в таком же ритме, в каком они привыкли жить, а для этого с ними должны работать и эти категории наши – эти общественные организации должны быть в первую очередь рядом с ними.

Моя бабушка, вдова образца 1945 года, когда уходила из жизни, благодарила, в том числе и Вас, что хотя бы в конце жизни она услышала, что начали благодарить вдов, что начали давать квартиры ветеранам Великой Отечественной войны. Я не хочу повторять тех ошибок. Мы должны помнить, что у нас и сейчас есть ещё долг перед ветеранами боевых действий, и сейчас мы должны сделать всё возможное, чтобы с первых дней ребята понимали: их встречают как защитников Отечества.

И последнее. Владимир Владимирович, на нашу горячую линию среди звонков от близких и родных поступает много вопросов, и опять же связано много с тем, что пишется в сетях: будет ли ещё одна волна мобилизации, к чему готовиться? Всё-таки люди должны видеть и эту перспективу. А с той категорией, которая сейчас на фронтах, мы научились работать, будем учиться работать и дальше.

Спасибо.

В.Путин: Татьяна Георгиевна, прежде всего хочу Вас поблагодарить за то, что Вы делаете, это чрезвычайно важно. Такая работа важна всегда, а сейчас, в сегодняшних условиях, – тем более.

Не буду сейчас давать оценок тем, кто, как Вы сказали, покидали страну в ходе мобилизации – это отдельная тема, здесь много можно говорить на эту тему. Вы сказали, что это «не их жизнь». Не знаю, может быть, кто-то считает, что это даже не их страна. Сейчас, повторяю, не хотелось бы вдаваться в детали.

Что касается проблем в зоне проведения специальной военной операции: они, конечно, были. Они, наверное, есть и сейчас. И они могут возникать когда и где угодно в зоне проведения операции. Надо постоянно этим заниматься, постоянно анализировать то, что там происходит, и иметь обратную связь. Вот это совершенно точно. И это нужно всем – и ребятам нашим, которые на передовой находятся, и обществу, и государству, потому что будет повышаться качество и эффективность нашей боевой работы.

По поводу покидания позиций. В Украине – Вы знаете об этом, – там расстреливают на месте. Причём проводят даже массовые расстрелы прямо публично, перед строем или без такового. Это всем хорошо известно, это никакой не секрет. У нас не только ничего подобного нет – у нас даже нет никаких, как Вы сказали, лагерей, зон и так далее: это всё чушь, это фейки, которые не имеют под собой никаких оснований.

Но что хотел бы в этой связи сказать. Есть люди, которые покидают боевые позиции? Да, такое случалось. Сейчас всё меньше и меньше. В чём проблема? Ведь человек, который попадает в зону боевых действий из мирной жизни – даже после определённой подготовки, – он не может не испытывать определённых чувств, присущих абсолютно нормальному человеку.

Подавляющее большинство из этих людей возвращаются для несения боевой службы добровольно – подавляющее большинство, даже после ранений. Почему? Потому что происходит период адаптации к тем условиям, в которых люди несут боевую службу. И повторяю: ничего подобного массового характера у нас нет. Для этого нужно просто работать с людьми. Здесь, конечно, нужна тонкая, спокойная,

взвешенная индивидуальная работа с каждым человеком. В целом это всё лучше и лучше получается у тех людей в Министерстве обороны, которые должны этим заниматься профессионально. Проблемы у нас с покиданием, скажем, позиций, с каким-то дезертирством – такой проблемы в зоне проведения специальной военной операции не существует.

Да, такие случаи бывали, и не нужно закрывать на это глаза. Я уже объяснил и говорю совершенно откровенно, с чем это связано. Любой нормальный человек, который попадает в ситуацию, когда пули летят или снаряды падают, не может определённым образом, даже на физиологическом уровне, не реагировать на то, что происходит. Но после определённого периода адаптации ребята воюют блестяще.

Я уже много раз говорил: они действительно герои и достойны того, как Вы сказали, чтобы к ним так и относились после выполнения боевых задач и после возвращения из зоны боевых действий. Это совершенно очевидно. И страна, общество, в том числе общественные организации, должны создавать вокруг этих ребят соответствующую обстановку и соответствующие условия. Уже говорил и ещё раз хочу подчеркнуть: это касается и поддержки, и помощи семьям наших бойцов. [Мы] должны относиться ко всем, как Вы сказали, я записал, как к защитникам Родины. Именно такую обстановку вокруг наших ребят и нужно создавать.

Теперь по поводу возможной мобилизации, дальнейшей мобилизации, слухов на этот счёт. Смотрите, у нас из 300 тысяч мобилизованных – наших бойцов, мужчин наших, защитников Отечества, – 150 тысяч находятся в зоне проведения операции; 150 тысяч, то есть половина – в войсках, в группировке. Из этих 150 тысяч, находящихся в группировке, половина только – это 77 тысяч – находится непосредственно в боевых подразделениях. Остальные находятся на вторых, третьих рубежах, выполняя функции, по сути, войск территориальной обороны, или проходят дополнительную подготовку в зоне проведения операции.

Ещё 150 тысяч, то есть половина из всех мобилизованных граждан, не находится в группировке вообще: они до сих пор находятся на полигонах и в учебных центрах Министерства обороны, где проходят дополнительную подготовку. Если можно так сказать и так назвать, – это так называемый боевой резерв. Половина из всех мобилизованных, 150 тысяч.

В этих условиях разговоры о каких-то дополнительных мобилизационных мероприятиях просто не имеют смысла, и необходимости для государства и для Министерства обороны в этом на сегодняшний день нет никакой. Вот, пожалуй, что хотел бы ответить на Ваш вопрос.

Пожалуйста, Валерий Александрович, дальше.

В.Фадеев: Евгений Николаевич Мысловский, почётный президент регионального общественного фонда противодействия организованной преступности и коррупции «Антимафия». Евгений Николаевич – знаменитый следователь по особо важным делам ещё советской прокуратуры.

Евгений Николаевич, пожалуйста.

Е.Мысловский: Добрый день!

Прежде всего, хотя я не уполномочен говорить от всего народа, но тем не менее скажу, что весь народ ждёт результатов.

Я, в частности, хочу сказать об одном аспекте этой операции. Очень много говорят о военных преступлениях. И действительно, 4300 с лишним артиллерийских прилётов, более десяти тысяч убитых мирных граждан только в одном Донцке. Получается, что о преступлениях-то говорят очень много, и товарищ Бастрыкин говорит, что у нас возбуждаются уголовные дела, а результатов расследования никто не видит, никто не слышит, никто ничего не знает об этом. И я понимаю почему – потому что на каждого следователя приходится, извините за выражение, куча этих самых фактов, они просто не в состоянии справиться. Это один момент.

И ещё один аспект этой же проблемы. Сейчас появились новые территории, новые территории требуют кадрового обеспечения правоохранительной деятельности. И где сейчас набрать этих людей, как их набрать – это тоже проблема. У нас такое предложение было обсуждено среди ветеранов: почему не призвать часть ветеранов? Между прочим, у нас ветераны разные. Человек 20 лет отслужил и ушёл на пенсию. Некоторые уже давно ушли на пенсию, некоторые очень старые, а некоторые ещё вполне зрелые люди, и они высказывают готовность послужить ещё Родине.

Причём они готовы выполнять функции наставников, организаторов, подсказывать, как нужно организовывать следствие молодым ребятам, которые идут. Я бы полагал, что нужно было бы дать подобные рекомендации Бастрыкину и Краснову, для того чтобы они всё-таки посмотрели на этих ветеранов. У нас ведь больше тысячи таких людей по стране. Не так много, кажется, нужно для этой цели людей, денег на это требуется, в общем-то, не очень много, а эффект и социальный, и организационный, экономический был бы достаточно большой. Потому что люди ещё способны послужить Родине.

И ещё один аспект в этом же плане. Вы знаете, я бы сказал, очень многие ждут политического значения расследования военных преступлений. Говорят об этом очень много, опять же, видимых результатов мало. Может быть, стоит вспомнить нашу историю, когда в 1942 году, кстати сказать, ровно 80 лет назад, если мне не изменяет память, 2 ноября 1942 года, в СССР была создана чрезвычайная государственная комиссия по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Эта комиссия работала почти десять лет – до 1951 года. В результате было собрано огромное количество материалов, которые послужили основанием для предъявления их в качестве обвинительного материала на Нюрнбергском процессе.

Мне кажется, что, если бы сейчас была создана такая государственная комиссия, во-первых, мы бы не сидели, как сейчас. Французы, что ли, выдвинули: создадим международный трибунал. Может быть, мы бы подготовили эти материалы, я имею в виду государственная комиссия, по этим преступлениям? И стоит, на мой взгляд, обратить внимание на этот исторический аспект и всё-таки посмотреть, может быть, надо решить этот вопрос у нас сейчас.

Спасибо.

В.Путин: Евгений Николаевич, когда Вы говорили по поводу того, что все ждут результатов, Вы имели в виду результатов СВО?

Е.Мысловский: Нет, не СВО, СВО – это длительный процесс. Результатов по расследованию уголовных дел. Понимаете, какая штука: говорят – расследуют, расследуют, а приговор был всего один, и то какой-то...

В.Путин: Понятно.

Что касается длительного процесса и результатов СВО, конечно, это длительный процесс, может быть. Но потом Вы упомянули о том, что появились новые территории – это всё-таки значимый результат для России, это серьёзный вопрос. И, чего уж греха таить, Азовское море стало внутренним морем Российской Федерации – это серьёзные вещи.

Е.Мысловский: Всё правильно, только это надо обустраивать.

В.Путин: Да, да, но это другой вопрос. Петр I ещё боролся за то, чтобы выйти к Азовскому морю.

И самое-то главное – это люди, которые проживают на всех этих территориях. Результаты референдума показали, что люди хотят быть в России и считают себя частью этого мира, частью этого пространства этой нашей общей культуры, традиций, языка. И это самый главный результат, и они теперь с нами, а это миллионы людей. Это самое главное.

Что касается уголовных расследований. Да, конечно, Вы правы, но, собственно говоря, мы же все понимаем реалии происходящих событий. А проводить расследование, фиксировать эти преступления, особенно удары по гражданским и жилым кварталам, – это важно. Может быть, Вы правы: может быть, создать какой-то общий орган, который этим занимается, и госкомиссию.

Давайте подумаем. Я тоже попрошу и Генеральную прокуратуру, и Следственный комитет подумать на эту тему, в том числе подумать на тему о том, как призвать тех, кто хочет этим заниматься, чтобы помогли – или в качестве наставников, или в качестве тех людей, которые обобщают имеющиеся материалы ветеранов правоохранительных органов. Я поручу это Генпрокуратуре, мы обязательно подумаем на этот счёт. Но фиксировать это, конечно, надо – надо делать это профессионально, я здесь с Вами полностью согласен.

Пожалуйста.

Е.Мысловский: Извините, маленькое дополнение. Можно?

В.Путин: Да.

Е.Мысловский: Всё дело в том, что на сегодняшний день за каждым обстрелом стоит конкретный тамошний украинский начальник. И многие из них уже убиты, то есть наказаны, но об этом почему-то молчат. А ведь разведданные есть, их надо просто отдать и сказать: «Ребята, следователи, чего вести дело по поводу убиенных?». С ними расправились, они наказаны – об этом молчат.

В.Путин: Хорошо, да, согласен. Вы правы, согласен.

Те, кто по жилым кварталам стреляют, их тоже не сложно вычислить, это правда. Я пометил для себя.

Хорошо, спасибо большое. Спасибо, Евгений Николаевич.

Пожалуйста, Валерий Александрович, дальше.

В.Фадеев: Следующий выступающий – Ян Владимирович Власов, сопредседатель Всероссийского союза общественных объединений пациентов, доктор медицинских наук. Ян Владимирович – новый член Совета, и я уверен, что он усилит направление работы в части здравоохранения и в части права на здоровье.

Ян Владимирович, пожалуйста.

Я.Власов: Спасибо большое.

Не так давно мы делали исследование по одному значимому вопросу, а именно – каким образом исполняются указы Президента относительно состояния врачебных кадров в той части, которая захватывает заработную плату врачей.

Почему мы вышли на этот вопрос? Ежегодно, каждые полгода фактически мы проводим исследование среди пациентского сообщества, каково качество оказания медицинской помощи населению. И самой главной проблемой на сегодняшний день является отсутствие в первичном медицинском звене узких специалистов – врачей. И стоит вопрос, почему же у нас вроде бы большое количество студентов оканчивает институты, большое количество молодых докторов выпускается, почему же у нас постоянно такие прорехи? Ведь примерно

60 процентов пациентов говорят, что они врача узкой специальности в первичном звене не видят.

Когда мы идём в сельские территории, мы видим, что у нас не хватает докторов в сельских территориях, что у нас практически 60 процентов недостаточно таких врачей там, в сельской медицине.

Обратились с вопросом сначала к самим врачам: что, собственно говоря, вам мешает работать в системе здравоохранения? И увидели несколько основных тем. Особенно для молодёжи – в течение трёх лет 30 процентов молодых врачей уходят из специальности, это очень много.

Что мы увидели. На первом месте – низкая заработная плата. На втором месте – негативная коннотация внутри самого медицинского сообщества, негативное наставничество, так сказать. И на третьем месте – проблема с повышением своего профессионального уровня.

Вы знаете, после того как мы стали исследовать эту проблему, мы увидели, что в среднем по Российской Федерации (мы не берём Москву и Петербург) заработок врача составляет примерно 52 тысячи рублей. Это опрос врачей, более полутора тысяч человек в 60 регионах. Это врачи линейные, то есть это те, которые непосредственно работают с пациентом, не главврачи. Хорошо. А сколько на ставку? А на ставку в одном государственном учреждении у нас врач получает примерно 20 тысяч рублей. Это очень мало. А когда мы задаём вопрос, а сколько вам надо ставок, чтобы получить вот эти 52 тысячи рублей, мы видим, что более 30 процентов врачей работают более чем на две ставки, более 30 процентов. Это приводит, естественно, к профессиональному выгоранию.

После исследования с госкорпорацией «Росатом» относительно выгорания врачей в ФМБА и в некоторых других [организациях], в малых городах, мы можем сказать, что более 80 процентов врачей имеют в той или иной степени профессиональное выгорание. Где-то порядка 7 процентов – это люди, которые безвозвратно уходят из системы здравоохранения, и порядка, извините, 60 процентов – это средняя степень вот этого профессионального выгорания. Таким образом, мы этих людей теряем.

Вопрос связан с тем, каким образом всё-таки врача оставить в специальности, защитить его от внешних проблем. Помните, одно время были нападения на врачей, тогда министр Вероника Игоревна Скворцова говорила: «Давайте мы их приравняем к МВД», – для того чтобы нападение на такого человека при исполнении соответствовало определённому уголовному преследованию.

Сейчас мы поднимаем другой вопрос: а давайте мы их приравняем к военным, для того чтобы врач имел базовую оплату, оклад (не заработную плату, а оклад) – пусть это будет четыре МРОТ, пусть это будет шесть МРОТ, но это средства, которые доктор мог бы получать в любой точке Российской Федерации на основании общей сетки, и уже от них считать дополнительные средства какие-то: стаж, трудности климатические и так далее. И это было бы, наверное, правильно, потому что врачи на самом деле – это тоже вопрос безопасности страны.

На сегодняшний момент это, конечно, не единственная проблема для врача. Вторая проблема – это вопрос, как сейчас происходит образование врачей. То есть мы переходим к главному во враче – это его образованности. Потому что врач, который не учится, – уже не врач. У него должно быть постоянно повышение квалификации.

И самое главное: а что такое у нас сейчас высшая школа, профессорский состав? Могу Вам сказать, что профессорский состав на сегодняшний день врачами уже не является, по сути, поскольку он лишён медицинского стажа. То есть получается, что преподаватель высшего учебного медицинского заведения, профессор – условно, может быть, это и академик, – не имеет медицинского стажа.

Средняя заработная плата профессоров вузов – 30–35 тысяч. Конечно, они тоже уходят из специальности. Мы разрушаем нашу образовательную школу для врачей, и мы с этим должны тоже что-то делать. В плане МРОТ мы предлагаем привязать преподавательский состав: шесть–восемь МРОТ в высших учебных заведениях. Это наше предложение, которое мы готовили. Вот это важные моменты.

Что касается СВО. Большое количество докторов, которые пошли работать сейчас в СВО, возвращаются. Это люди, на мой взгляд, героические. Безусловно, с ними надо сейчас работать, им нужна тоже психологическая помощь.

Если речь идёт непосредственно по медицинской помощи в СВО. Первое – у нас не хватает специалистов в области полевой медицины, мало. Надо поднимать полевую медицину. Военно-медицинская академия имени Кирова лучше других знает, как это делать.

Далее. Не хватает перевязочных пакетов. То есть идёт такой огромный расход этого, извините за тавтологию, расходного материала для перевязок, что его просто не хватает. На самом деле никакие медикаменты в эти регионы не будут лишними, их надо поставлять. Причём, если есть возможность дать некую такую разнарядку от регионов... Ведь огромное количество лекарственных препаратов, перевязочных материалов находится в складских помещениях фармацевтических компаний с истекающим – не истекшим, а истекающим сроком использования, то есть до полугода ещё. Пожалуйста, пользуйся. Они там уходят на ура. Ими надо обеспечивать.

Ну и, конечно, надо обучать санинструкторов работе по перевязке и оказанию первой помощи, потому что врачи вынимают, извините, жгуты по полтора метра из раны и не понимают, почему она не заживает, – она неправильно обработана, этому надо учить.

Вот такие вопросы. И было бы здорово, конечно, если бы мы могли оказать более деятельную помощь на местах, именно обучая наших коллег, в том числе и в республиках.

Спасибо.

В.Путин: Спасибо Вам за вопросы, которые Вы подняли. Они все имеют большое значение, все, без всякого преувеличения.

Я начну с того, на чём Вы завершили своё выступление, – подготовка кадров, особенно для военно-полевой хирургии и военно-полевой медицинской деятельности.

Конечно, Министерство обороны считает, что в целом у них работа эта поставлена на должном уровне. Тем не менее обращаю внимание руководства Министерства, Министра самого на те вопросы, которые Вы подняли, и, если нужно что-то сделать дополнительно, настраивать буду, безусловно, и добиваться того, чтобы это было

исполнено. Настраивать на эту работу буду своих коллег из Минобороны и добиваться того, чтобы это было исполнено. Это первое.

Второе. По поводу использования расходных материалов, в том числе тех, которые, возможно, как Вы сказали, находятся на складах различных организаций и компаний, тем более что у них ещё не истекли сроки годности. Конечно, нужно будет это посмотреть, обязательно тоже скажу об этом не только Министру обороны, но и Министру здравоохранения, и Татьяне Алексеевне Голиковой. У них вся площадка перед глазами, посмотрим, что там можно использовать и как, сделаем это обязательно. Тем более если чего-то не хватает.

Теперь по поводу системы в целом, совершенствования системы медицинского образования. На мой взгляд, она у нас достаточно серьёзная, основательная. Наверное, в современных условиях, в современном мире всё нуждается в постоянном внимании и в постоянном совершенствовании, это само собой разумеется, потому что жизнь развивается очень быстрыми темпами, появляются новые возможности, технологические возможности. Мы постоянно об этом говорим, и это находится постоянно в поле зрения Министерства здравоохранения.

Если здесь, Вы считаете, чего-то нужно дополнительно сделать, дополнительные шаги предпринять, в том числе это касается и связи практики лечебной деятельности с получением теоретических знаний, то, конечно, я Вас попрошу, Вы представьте свои соображения в конкретном виде. Я Вам обещаю, что оформлю это в качестве поручения и Минздраву, и Правительству в целом, коллеги обязательно это проработают.

По поводу подготовки, переподготовки кадров, повышения квалификации. В Минздраве целая система повышения квалификации выстроена. Ещё раз хочу сказать, если Вы, Ян Владимирович, видите, что здесь что-то организовано не должным образом, и у Вас есть конкретные предложения, как это поправить, как улучшить эту работу, я Вам буду очень признателен, если Вы это оформите в качестве какой-то служебной записки, в данном случае служебной – чисто формально, но какой-то записки, которую можно было бы положить тоже в основу моего поручения Правительству. Это мы обязательно сделаем.

Да, наверное, есть отрыв некоторых преподавателей от реальной жизни, от реальной действительности, от клинической практики. Но я знаю очень много

примеров, когда люди преподают и сами занимаются практической деятельностью, сами операции делают. Вы наверняка знаете, таких немало у нас специалистов. Честь им и хвала и дай бог им здоровья. Чтобы они создавали свои школы и развивали их – надо, разумеется, их поддерживать.

Теперь по поводу того, с чего Вы фактически начали, – это уровень заработной платы.

Да, я согласен, особенно это касается первичного звена здравоохранения, – там точно совершенно нужно эту систему оплаты совершенствовать.

И у Правительства есть такая задача – выработать единые подходы ко всем территориям Российской Федерации, чтобы там базовые принципы заработной платы были соответствующим образом выстроены. Здесь я полностью согласен.

Да, конечно, в разных регионах Российской Федерации прожиточный минимум разный, имею в виду, что стоимость жизни разная, ну и зарплаты совершенно разные, не только в сфере здравоохранения, но и в других областях. Это, конечно, надо учитывать, но в целом надо, конечно, стремиться к тому, чтобы тот эксперимент, который Правительство начало уже проводить по выравниванию уровня доходов в системе здравоохранения, чтобы он не был забыт. Это на будущее.

А сейчас я не могу с Вами не согласиться, Ян Владимирович, в том, что надо сейчас, не откладывая в долгий ящик, предпринимать какие-то шаги, направленные на то, чтобы поддержать медиков. И в этой связи я поручил Правительству подготовить соответствующие предложения.

Хочу Вас проинформировать о том, что мы договорились, и я поддержал эти предложения со стороны Правительства, – начать, конечно, нужно с первичного звена здравоохранения. С января следующего года я просил Правительство начать дополнительные выплаты медикам, работающим в этом первичном звене здравоохранения в центральных районных больницах, в районных больницах и в системе скорой медицинской помощи. Дополнительные выплаты – от 4,5 до 18,5 тысячи рублей в зависимости, конечно, от того, чем медицинский работник занимается, какую должность занимает, какие функции выполняет.

Я просил Правительство организовать работу таким образом, чтобы эти выплаты начали начислять прямо с 1 января следующего года. Если потребуется какое-то время для принятия бюрократических решений, то, наверное, может быть, с 1 января они не успеют это сделать, сегодня уже почти середина декабря, но всё равно в I квартале нужно все технические вопросы закрыть, а начислять эти дополнительные выплаты задним числом, с 1 января 2023 года.

Пожалуйста, давайте продолжим.

В.Фадеев: Следующий выступающий – Кирилл Валериевич Вышинский, исполнительный директор международного информационного агентства «Россия сегодня».

Кирилл Валериевич в своё время на себе испытал, что такое права человека по-украински (Владимир Владимирович, помните наверняка), – год просидел в украинской тюрьме за свою журналистскую деятельность. К счастью, удалось его оттуда вытащить.

Кирилл Валериевич, пожалуйста.

К.Вышинский: Спасибо большое.

Добрый день, Владимир Владимирович!

Добрый день, коллеги!

Владимир Владимирович, Вы говорили, давали характеристику деятельности международных правозащитных организаций. Я в целом с ней согласен, могу только дополнять конкретными примерами, как эти люди, эти структуры не замечали всё происходящее на Украине не только в этом году, но и на протяжении... По крайней мере, я с ними общаюсь с 2019 года, и у меня масса примеров, не хочу отнимать время, но поверьте на слово.

Пожалуй, единственная организация, которая сейчас начала обращать внимание на Украину и как-то реагировать, – это институции, связанные с ООН, и то, как сказали бы в народе, очень «мляво» они это делают, реагируя в том числе и в первую очередь на ужасающие военные преступления, которые уже

невозможно не замечать. Это, пожалуй, единственная структура, которая хоть как-то на это реагирует.

Но я хочу говорить о другом, о том, что мы в этом году столкнулись с тем, что было в принципе всегда, но, может быть, никогда не было таким ярким явлением или, по крайней мере, не было откровенно продемонстрировано. Мы столкнулись даже не с волной, а с таким «девятым валом» русофобии, в первую очередь в Европе.

Я не так давно встречался с коллегами, которые в силу своей жизненной позиции координируют, активно занимаются развитием движения «Бессмертный полк», в том числе на территории стран Европы. И больше говорили не о том, как организовать это шествие к 9 Мая, а о том, с чем сегодня сталкиваются наши соотечественники за рубежом. У меня, например, есть цитата письма на официальном бланке мэрии польского города Белостока. Они ещё с весны этого года выбрасывают организацию наших соотечественников из здания, в котором они в соответствии с польской Конституцией имеют право создать свою площадку для поддержки соотечественников, живущих в Польше. Так вот мэрия города пишет, что они выгоняют этих людей из здания только потому, что они русские, а вот город Белосток решительно возражает против какой-либо деятельности, пропагандирующей государство (и вот здесь второе очень важно) и народ, являющийся агрессором. То есть сама формулировка «народ, являющийся агрессором», – у меня это в голове слабо укладывается, но тем не менее эти люди себе такие вещи позволяют.

Вообще масса историй, связанных с детьми в первую очередь. В Швеции в одном из районов Стокгольма после того, как началась активная пропагандистская информационная кампания, видимо, связанная с возможным вступлением Швеции в НАТО, была массированная информационная кампания о том, что Россия угрожает, и в классе учитель начал рассказывать, как вести себя в случае российской угрозы. Одна из девочек из русскоязычной семьи ушла из класса в слезах, потому что её затравили её же одноклассники. Она пришла домой к матери в слезах и сказала: «А что, мы, русские, мы что, агрессоры, весь народ, да?»

В общем, повторюсь, историй таких масса, и это наталкивает на простую мысль: русофобия, как мы её сегодня видим в Европе, это, по сути, стало политической технологией борьбы с Россией и вообще какой-то социальной мобилизации европейцев. И знаете, это очень серьёзно и сильно напоминает технологии,

которые использовала нацистская Германия, антисемитизм, который тоже был призван в своё время как-то сплотить немцев в гитлеровской Германии.

По этому поводу (это не моя оценка уже, это такое расхожее место) даже появился такой чёрный юмор, анекдот о том, как два старика в Иерусалиме листают утром подшивки европейских газет сегодняшних, смотрят и говорят: «Ну всё, мы больше не нужны. Теперь во всём виноваты русские». И это, к сожалению, неприятный юмор, но тем не менее очень трезвая оценка того, что происходит.

А по большому счёту, я бы даже вернулся не только к антисемитизму, я бы вспомнил и геноцид советского народа, о котором мы в последнее время начинаем говорить, у нас выносятся судебные решения по этому поводу. Сегодняшняя русофобия... Да, может быть, это другая фаза, начальная, – но в чём большая, принципиальная разница между двумя этими явлениями, ведь в своё время нацисты, когда фактически практиковали геноцид на советской территории, начинали с большевиков, с коммунистов, которых обвиняли во всех бедах, а потом угоняли и убивали просто советских людей. Они вышли за рамки каких-то политических и классовых оценок и весь советский народ подвергали геноциду.

Поэтому мне кажется, что прошло время только каких-то политических оценок, связанных с русофобией. Мне кажется, я об этом говорю уже не первый год, что пора дать какую-то правовую оценку. Я подготовил по этому поводу... Я не юрист, хотя, знаете, как шутят в тюрьме, каждый побывавший в тюрьме уже немножечко знаком с кодексом и знает, что такое какие-то юридические формулировки.

Я поэтому считаю, что в Уголовный кодекс Российской Федерации стоило бы внести либо дополнения в определённую статью, либо вообще ввести статью о русофобии, квалифицировать это явление в правовом поле, определить меру ответственности.

Вроде бы выглядит немножко наивно – ну кто испугается в Париже или в Берлине нашего суда и нашей оценки? Но тем не менее существует огромное количество межгосударственных соглашений о правовой помощи. И, знаете, уже было несколько случаев, когда после того, как наши суды выносили решения в отношении граждан Европейского союза... Например, было знаменитое «вильнюсское дело», когда несколько наших бывших военнослужащих были осуждены на серьёзные сроки заключения за выполнение приказа в 1991 году во время вильнюсских событий. И когда Следственный комитет здесь дал

соответствующую вместе с судом квалификацию, и судьи, которые вынесли заведомо неправосудное решение, были объявлены в международный розыск, эти судьи очень быстро запросили дипломатические паспорта у литовского МИДа, прекрасно понимая, чем может закончиться объявление их в международный розыск.

Мне кажется, что это демонстрация того, что не совсем мы бессильны в правовом поле, если прилагаем усилия. Мне кажется, что эти усилия есть смысл приложить. Я конкретную формулировку с удовольствием передам в Администрацию [Президента], для того чтобы она, может быть, стала основой для работы юристов, потому что, я ещё раз повторяюсь, я не юрист. Но я просил бы Вас дать поручение юридическому управлению и, поскольку Вы обладаете законодательной инициативой, внести её, возможно, в Государственную Думу.

И ещё о чём хотелось бы сказать. Вы знаете, за последние несколько лет мы столкнулись с огромным количеством уголовных дел, которые возбуждают на Украине в отношении наших граждан за их позицию – журналистскую, общественную, правовую. На Украине количество этих дел росло как снежный ком. У меня, по крайней мере, складывается впечатление, что это по сути ведь нарушение прав наших граждан, давление на них. Мне кажется, что мы не давали в должной степени тоже – в том числе правовую, юридическую – оценку этой практике на Украине.

Хотя, казалось бы, сейчас вроде бы и не время, но тем не менее мне кажется, что правовая оценка никогда не бывает лишней, поскольку это всегда факт правовой действительности. А мы вообще-то хотим, конечно же, жить в рамках права и понимать, что это соответствует в том числе и международному праву.

Поэтому я бы хотел просить Вас дать поручение Следственному комитету проанализировать эту практику украинских правоохранительных органов и тоже дать соответствующую правовую оценку в меру их компетенции.

Спасибо большое.

В.Путин: Кирилл Валериевич, если позволите, воспользуюсь Вашим выступлением, для того чтобы ещё раз подчеркнуть вот что. Ведь война-то была начата – Вы знаете это гораздо лучше, чем кто-либо другой, – не нами,

а в 2014 году после государственного переворота на Украине. Она была начата украинскими тогда властями, пришедшими в коридоры этой власти с помощью этого самого госпереворота для подавления волеизъявления людей, проживавших на Донбассе.

И тогда, в том же 2014 году, три министра иностранных дел – Польши, Германии и Франции – приехали в Киев и подписали документ, согласительный документ между действовавшей тогда на Украине властью и оппозицией, подписали его в качестве гарантов мирного развития событий. Ведь тогда, когда был совершён госпереворот, после этого эти гаранты забыли о том, что они гаранты. И что должны были бы делать как гаранты? Вернуть всё в правовое поле и всех призвать к проведению всеобщих выборов и решению этого внутривластного кризиса мирным путём. Нет, ведь этого ничего не было сделано. Все как будто забыли об этом документе. Я когда сейчас напоминаю своим коллегам, в том числе в телефонных разговорах, об этом, все молчат – ответить-то нечего.

После этого начались боевые действия на Донбассе с применением тяжёлой техники, тяжёлого вооружения, авиации. Вот когда могли бы возникнуть, в том числе в некоторых европейских странах, в Северной Америке, настроения не русофобские, а другие «фобские» настроения в отношении тех, кто применял силу в отношении мирных граждан, гражданского населения. Ничего подобного ведь не произошло. А наоборот, что происходило все эти годы? Законные интересы людей, которые там проживали, и законные интересы России по защите этих людей игнорировались, на все наши требования в ответ мы получали только плевки в лицо. Это и есть скрытая форма русофобии. Она всегда была, к сожалению, в некоторых кругах на Западе и у наших соседей – я имею в виду националистические круги той же Украины. Она же всегда присутствовала, и в Ваших передачах Вы очень ярко об этом говорите. У меня время иногда бывает, случайно или как, но я иногда вижу Ваши программы. Они очень убедительные и глубокие, за что хочу сказать Вам отдельное спасибо.

Собственно говоря, это и есть игнорирование наших интересов, интересов людей, которые проживают на этих территориях, это и есть русофобия, просто сейчас перевернули всё с ног на голову, не говорят о том, что они не исполнили своих обязательств как гаранты договорённости между властью и оппозицией на Украине в 2014 году, не говорят о том, что они растоптали эти договорённости, не говорят о том, что украинские власти, пришедшие к этой власти с помощью госпереворота, начали боевые действия, не говорят об убийстве мирных граждан

на Донбассе, – ничего не говорят. А только начали всю эту историю с момента проведения специальной военной операции. А она возникла только потому, что нам не оставили никаких больше шансов на урегулирование этой ситуации мирным путём, и продолжать дальше это состояние, в котором всё это находилось, было просто абсолютно невозможно. Но это использовалось как повод для разжигания этих самых антироссийских и антирусских настроений. Ничего здесь удивительного нет с точки зрения истории. Россия часто сталкивалась с сюжетами подобного рода.

Что касается властей некоторых наших соседних стран, Польши. Вы знаете тоже это как бывший житель Украины: там националистические элементы спят и видят, [как] вернуть так называемые свои исторические территории, то есть забрать западные территории, которые Украина получила в результате решения Иосифа Виссарионовича Сталина после Второй мировой войны. Из Польши, как известно, забрали эти территории, отдали советской Украине. Конечно, националистические элементы в Польше спят и видят, [как] вернуть эти территории в Польшу, и к этому будут стремиться, чего бы и кто бы там ни говорил. Мы это видим даже из их литературы, из их рассуждений, выступлений. К этому в конце концов и будут вести дело, в этом я нисколько не сомневаюсь.

Я уже говорил и хочу повторить: единственным настоящим гарантом территориальной целостности и суверенитета Украины в её сегодняшних границах могла бы быть Россия. Которая и способствовала тому, что Украина эти территории когда-то после Второй мировой войны получила – по решению Сталина, конечно. Но это уже дело самих украинских политиков – будущего, конечно, нынешние политики, по-моему, мало что в этом понимают и не думают об этом. Хотя некоторые, как нам кажется, уже начинают задумываться. Любое более активное участие их западного союзника сегодня и соседа в украинских делах в конечном итоге будет направлено на отторжение украинских территорий, западной части Украины. Хорошо бы, если бы они об этом думали и понимали бы то, что происходит. Ну, бог с ними, это их, повторяю, дело.

По поводу Вашего предложения, я с этим согласен. Давайте мы это проработаем, и спасибо Вам за то, что Вы его таким образом сформулировали.

А вот отдельные элементы этой русофобии, в том числе воздействие на детей и так далее, – что здесь удивительного, если мы знаем, что в некоторых западных странах животных в зоопарке на глазах у детей убивают, разделывают и так далее.

Это абсолютно не соответствует нашей культуре, культуре народов Российской Федерации, не только русского народа, всех других народов. А там это происходит. Используют очень жёсткие меры воздействия на общественное сознание. Бог им судья, но я думаю, что в конечном итоге это будет оборачиваться против них самих.

Давайте дальше. Пожалуйста.

Валерий Александрович, кто дальше?

В.Фадеев: Следующий выступающий – Светлана Геннадьевна Маковецкая, директор фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ».

Светлана Геннадьевна – возможно, лучший специалист и эксперт в том, как функционируют институты российского гражданского общества, в том числе в юридических аспектах.

Светлана Геннадьевна, пожалуйста.

С.Маковецкая: Спасибо большое.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые коллеги!

Некоммерческие организации, в том числе благотворительные организации, волонтерские объединения продолжают помогать российским гражданам в шаговой доступности, в условиях разных слабостей, санкционного давления, кризисных явлений, которые возникают. Но при этом и сами организации живут своей жизнью, и хотелось бы обратить внимание на необходимость решать проблемы организационного строительства этих самых некоммерческих организаций.

Усложняющаяся правовая среда для некоммерческих организаций ясна, но есть те барьеры, которые возникают из-за противоречий, связанных с базовым законодательством о некоммерческой деятельности и Гражданским кодексом. Основные несовпадения возникают в связи с тем, что регулирует деятельность

некоммерческих организаций Гражданский кодекс, продолжающий действовать базовый Федеральный закон от декабря 1996 года «О некоммерческих организациях», ну и, собственно, сама некоммерческая практика.

До сих пор, к сожалению, не приведены в соответствие Гражданскому кодексу Российской Федерации положения Закона об НКО, которые касаются создания некоммерческих организаций, процесса принятия учредительных документов, ликвидации НКО и деятельности высшего органа НКО.

Мы знаем, что Гражданский кодекс предлагает унифицированный подход, который достаточно жёсток, жёсткая концепция юридического лица для некоммерческой организации, и базовый закон «О некоммерческих организациях» мог бы сделать более гибким этот подход, сделать его более понятным, прозрачным и удобным для использования некоммерческими организациями.

Однако этого не происходит, и в результате возникает большое количество противоречий, и развиваются самостоятельно два семейства нормативно-правовых актов: одни изменения Гражданского кодекса, а другие изменения – в закон «О некоммерческих организациях и общественных объединениях», порождая самую разнообразную практику по регулированию деятельности некоммерческих организаций.

В некоторых случаях трудно просто даже зарегистрировать некоммерческую организацию, потому что Гражданский кодекс Российской Федерации и разработчики закона о некоммерческих организациях не соотнесли между собой требования. Например, статья 65 Гражданского кодекса высшим органом корпорации, к которым относятся общественные объединения, считает собрание участников. А статьи 66 и 8 базового нашего закона об общественных объединениях считают, что никакие участники общественных организаций не принимают участие в управлении, а управлением должны заниматься члены организации. Таким образом, создатели уставных документов НКО до сих пор действуют в консультациях с органами юстиции на свой страх и риск, выбирая тот или иной подход.

Кроме того, ещё одна проблема нашего базового федерального закона заключается в том, что в него включены статьи как о негосударственных некоммерческих организациях, так и о государственных корпорациях и бюджетных учреждениях с государственным и муниципальным участием.

А в результате законодатель вынужден вносить в нормативные акты специальные изменения, уточняющие, имеют ли отношения те или иные, например, меры поддержки к негосударственным некоммерческим организациям или они распространяются на государственные некоммерческие организации.

Специальное регулирование деятельности государственных НКО, как правило, перемещается сейчас в специализированный закон, например в Федеральный закон «Об образовании Российской Федерации». Это, с нашей точки зрения, делает фактически нецелесообразным сохранение общих положений, регулирование государственных и негосударственных НКО в законе об НКО.

Имеет смысл разделить негосударственные некоммерческие организации и коммерческие организации с государственным участием и, наконец, определиться с единообразным подходом и принять новый законопроект, касающийся базового закона о деятельности некоммерческих организаций, а деятельность государственных некоммерческих организаций можно регулировать переходными положениями до принятия соответствующего федерального закона.

Ещё одна маленькая заковыка заключается в том, что необходимо снять барьер для НКО для управления некоммерческой организацией, вызванный архаичностью норм об учредителях некоммерческой организации. Учредители НКО и учредители коммерческой структуры – это совершенно разные практики. По сути, учредитель некоммерческой организации создаёт её и потом имеет право не принимать участия в её деятельности, забывает о ней и так далее. Сплошь и рядом у долго живущих некоммерческих организаций есть учредители, которые утратили с ней связь, умерли, уехали, могут быть ликвидированы, если это юридическое лицо, однако факт их неучастия в деятельности организации совершенно не учитывается в требованиях к решениям НКО.

В некоторых случаях, например, автономные некоммерческие организации не могут самостоятельно сформировать изменения в документы, поскольку это отнесено к требованиям к полномочиям учредителям, а с ними может быть потеряна всякая связь. В некоторых случаях дополнительные ограничения возникают, когда необходимо ликвидировать некоммерческую организацию и нужно принять решение о ликвидации, которое возможно либо уполномоченным органом в судебном решении, либо по решению учредителя.

Мы снова сталкиваемся с проблемой, когда учредитель не участвует в деятельности организации, связь с ним утеряна, принять решение о его исключении по факту смерти – отсутствия жизни – из НКО никто не может, и, таким образом, НКО не может использовать механизм решения учредителей для ликвидации, и, соответственно, общество вынуждено затрачивать ресурсы органов государственной власти на ликвидацию НКО в судебном порядке.

Как нам кажется, давно назрела необходимость допустить возможность исключения из состава учредителей НКО по инициативе органов управления самой некоммерческой организации.

В связи с этим у нас просьба, Владимир Владимирович. Мы просим дать поручение Правительству Российской Федерации с участием Совета по правам человека при Президенте Российской Федерации и привлечением экспертных организаций в сфере практики НКО определиться с единым подходом к дальнейшему развитию законодательства о некоммерческом секторе, разработке законопроектов, в которые войдёт регулирование деятельности всех негосударственных коммерческих организаций, чтобы устранить противоречия в законодательстве НКО с учётом сохранения единого подхода к регулированию деятельности, например на основании гражданского кодекса. При этом необходимо учесть гибкость и адекватность сложившейся практики регулирования деятельности отдельных организационно-правовых форм, которые можно рассмотреть через ряд самостоятельных законодательных актов.

Также в связи с тем, что я сказала об учредителях: [просим дать] поручение Правительству Российской Федерации о внесении изменений в законы, регулирующие деятельность НКО и общественных объединений, которые позволяют исключать из состава учредителей лиц умерших, утративших связь с организацией по инициативе самой организации.

Извините, Валерий Александрович, извините, Владимир Владимирович. У меня совсем небольшой последний кусок, о котором я не предупреждала. Но я не могу не сказать о той проблеме, которая, как мне кажется, волнует значительное количество людей в нашей стране, – это то, что угроза мировой ядерной войны кажется сейчас реальной. Предотвращение такой угрозы, как мне кажется, сверхценно.

Мне представляется, что истинным жестом доброй воли могло бы стать Ваше личное, Владимир Владимирович, заявление, что Россия ни при каких обстоятельствах не применит первой ядерное оружие. И, возможно, уточнение в связи с этим Основ госполитики по ядерному сдерживанию.

Извините за то, что последний свой раздел не по теме, но совершенно невозможно молчать о том, по поводу чего существует такое количество страхов.

Спасибо.

В.Путин: Понятно.

По поводу угрозы ядерной войны. Светлана Геннадьевна, Вы правы, такая угроза нарастает, что здесь греха таить.

По поводу того, что Россия ни при каких обстоятельствах не применит первой. Но если не применит первой ни при каких обстоятельствах, значит, и второй тоже не применит, потому что возможности применения в случае нанесения ядерного удара по нашей территории сильно ограничены.

Тем не менее наша стратегия применения средств защиты, а именно как защиту мы рассматриваем оружие массового поражения, ядерное оружие, она вся настроена вокруг так называемого ответно-встречного удара, то есть когда по нам наносится удар, мы наносим в ответ.

Существует и то, что все сейчас обсуждают, так называемое тактическое ядерное оружие. Оно, американское ядерное оружие, в большом количестве расположено на европейской территории. Мы никому наше ядерное оружие не передавали, не передаём, но, естественно, своих союзников будем защищать всеми имеющимися у нас средствами, если это потребуется.

Но здесь ведь в чём дело? Дело в том, что так же, как и в предыдущем случае, когда говорили о русофобии, никто ведь не замечает и не хочет замечать и видеть то, что делается и говорится в странах-соседях, в западных странах. Я уже сказал: мы же своё ядерное оружие, в том числе тактическое, на территории других стран не сохраним, не имеем, а американцы имеют – и в Турции, и в целом ряде других государств Европы. Они проводят тренировки по возможности использования

носителей этих стран для применения американского ядерного оружия. Мы же этого пока не делали ничего. Это второе.

Третье. Разве мы говорили о возможности применения? Нет. Вот бывшая, не к вечеру будь помянута, Премьер-министр Великобритании, она же прямо публично сказала, что она готова это сделать. В ответ на это мне пришлось некоторые вещи тоже акцентировать. Сразу же её высказывание никто не заметил, а то, что мы говорим, сразу же выплывает, и этими заявлениями начинают весь мир пугать.

Поэтому мы с ума не сошли, мы отдаём себе отчёт в том, что такое ядерное оружие. Эти средства у нас есть, и они в более продвинутом и более современном виде находятся, чем у какой-либо другой ядерной страны. Это очевидно, на сегодняшний день это очевидный факт. Но мы не собираемся размахивать этим оружием, как бритвой, бегая по всему миру. Но, конечно, исходим из того, что оно есть. Это естественным образом сдерживающий фактор, не провоцирующий к расширению конфликтов, а сдерживающий фактор. И надеюсь, это все понимают.

Теперь по поводу Ваших предложений в отношении совершенствования нормативного регулирования и правовой базы деятельности некоммерческих организаций.

Вначале я хочу сказать, что вообще деятельность некоммерческих организаций является чрезвычайно важной для нашей страны. Потому что, и я много раз об этом говорил, говорю это абсолютно искренне, там, где чиновники – даже благообразные, даже хорошо подготовленные и искренние люди в аппаратах чиновничьих – стараются добиться максимального результата своей работы, всё-таки некоммерческие организации часто оказываются более эффективными, имея в виду, что они работают не за деньги – прежде всего работают по зову сердца. А такая мотивация на помощь людям, на достижение результатов в чрезвычайно важных, чувствительных социальных сферах чрезвычайно важна для конечного результата.

Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы создать эффективную правовую базу. И все Ваши предложения – я так понимаю, что они у Вас подготовлены, – я обязательно поручу Минюсту. Минюст, наверное, должен прежде всего отработать вместе с Главным правовым управлением Администрации Президента. Такое

поручение я, безусловно, дам и Вас попрошу тогда Валерию Александровичу отдать Ваши наработки и предложения. И конечно, Вы правы: если делать это, то делать нужно совместно с Правительством и с Советом по правам человека, с экспертами – такими, как Вы.

Спасибо.

Валерий Александрович, пожалуйста.

В.Фадеев: Спасибо, Владимир Владимирович. У нас с Минюстом налажено очень деловое, рабочее взаимодействие. Мы документы подготовим в ближайшее время.

Следующий выступающий – Кирилл Викторович Кабанов, председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет».

Кирилл Викторович, пожалуйста.

К.Кабанов: Спасибо.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые коллеги!

Ровно два года назад мы с Вами обсуждали необходимость создания концепции защиты прав человека в цифровом пространстве Российской Федерации. На основании Вашего поручения, Владимир Владимирович, СПЧ совместно с Правительством подготовил данный документ, сейчас готовится указ.

Но в ходе изучения проблемы стало понятно, что для развития цифрового пространства – и, кстати, технологий искусственного интеллекта, о котором недавно говорили, – и большинства секторов экономики необходимо работать с персональными данными. Некоторые игроки в этой отрасли пытаются доказать, что персональные данные – это товар, являющийся собственностью бизнеса, который они как-то получили, непонятно как. Но по сути своей это не так. Прежде всего мы говорим с позиции безопасности, прав человека и свобод граждан.

Уже существует масса негативных примеров, я имею в виду только за этот год. В 2022 году большой общественный резонанс вызвали случаи утечек персональных данных клиентов различных цифровых платформ. Так, например, утекла информация [сервиса] «Яндекс.Еда». Вроде бы ничего страшного – поставки еды. Но тут же утекает база в несколько миллионов клиентов клиники «Гемотест». На примере «Гемотеста» мы видим, что результаты анализов граждан – медицинских анализов, анализов крови и прочих анализов, составляющих врачебную тайну, – становятся общедоступными, попадают в общую сеть. Подобная утечка может повлечь совершенно конкретные негативные последствия, а вот ответственность, штрафы за такие утечки составляют 60 тысяч рублей. 60 тысяч рублей за несколько миллионов утечек. На самом деле это не соответствует тяжести содеянного, поскольку речь идёт об утечках данных миллионов граждан.

Из последних примеров. В открытый доступ выложили персональные данные 36 [тысяч] покупателей интернет-магазинов военных товаров. Часть их – это конкретно мобилизованные и члены их семей. Это данные с их телефонами, с карточками, фамилиями, именами, отчествами. Мы прекрасно понимаем, что в сегодняшней ситуации персональные данные представляют интерес не только для бизнеса, а в первую очередь они представляют интерес для спецслужб недружественных государств.

В этой связи представляется целесообразным установить более высокие оборотные штрафы, прежде всего для компаний, допустивших утечку персональных данных. Это обеспечит защиту персональных данных и будет стимулировать бизнес к усилению безопасности.

Но одними оборотными штрафами проблему не решить. Необходимо вводить уголовную ответственность за незаконный оборот персональных данных. Поскольку в большинстве случаев речь идёт не просто о случайных утечках – это либо хищение, воровство, либо некое умышленное воровство внутри компании.

Когда мы говорим о персональных данных, мы продолжаем говорить о мошенничестве, о воровстве денежных средств. Кстати, Вы прекрасно знаете, Вы говорили об этом, что это воровство происходит из территорий враждебных нам государств: воруют у пенсионеров, воруют у людей слабозащищённых.

Мы считаем, что должен существовать механизм возврата денежных средств, потому что государство, что греха таить, в том числе правоохранители, неэффективно и неоперативно реагируют на подобные угрозы и на подобные деяния.

В заключение – есть очень важный аспект. Я и мои коллеги считаем, что, прежде чем разрабатывать любой проект, связанный с технологиями искусственного интеллекта, развитием цифровой системы, необходимо изучать и составлять карту возможных рисков хищений персональных данных и принимать шаги по их защите. В случае если такие риски реально существуют и вероятность их высока, такой проект не должен выходить. Мы, кстати, с Вами видели такие проекты, которые связаны сейчас и с персональными данными, конкретно связаны с людьми.

Владимир Владимирович, есть просьба по поводу поручения. Необходимо дать поручение Минцифре и МВД представить предложения по внесению изменений в законодательство – установление оборотных штрафов, прежде всего их значительное увеличение для хозяйствующих субъектов, и самое главное – обсудить возможность уголовной ответственности за незаконный оборот украденных персональных данных. Эту ответственность надо вводить, это совершенно новое понятие, но мы делаем его по аналогии с незаконным оборотом наркотиков, вводим понятие «незаконный оборот персональных данных».

Второе. Поручение Центральному банку Российской Федерации проработать возможность – они уже начали это обсуждать вместе с нами, с нашими коллегами – о механизме компенсации кредитными организациями, банками денежных средств, похищенных у их клиентов в результате мошеннических действий. Потому что 90 процентов мошеннических действий – это утечка персональных данных с их стороны.

Спасибо, я закончил, Владимир Владимирович.

В.Путин: Очень важный вопрос, без всяких сомнений, Вы наверняка слышали, я всегда об этом говорю, когда мы обсуждаем развитие современных технологий, искусственного интеллекта и так далее, потому что многие из этих технологий невозможно применять, невозможно использовать без этих самых данных, в том числе и персональных. Вопрос, конечно, в защите этих персональных данных. Это,

безусловно, один из ключевых вопросов прогресса на этом важнейшем для развития экономики и социальной сферы треке.

Но пока это всё – я с Вами согласен, Кирилл, абсолютно – не отрегулировано, нуждается в дополнительном регулировании. И, наверное, есть необходимость и ужесточения ответственности за правонарушения в этой сфере.

Что касается оборотных штрафов и уголовной ответственности. Я так понимаю, Вы говорите об уголовной ответственности за незаконный оборот. Ведь те, кто используют эти данные, должны знать и понимать, что они используют украденные данные, – именно так, потому что даже имущество, которое украдено, если это добросовестный приобретатель, добросовестный покупатель того или иного имущества, он ведь не знает о том, что это украденный товар. По аналогии то же самое и здесь.

Конечно, это нужно проработать как следует. Но в целом Вы абсолютно правы, я с Вами согласен, об этом совершенно точно нужно подумать и своевременно принять взвешенные решения, которые и интересы граждан защитят, и не будут являться препятствием для развития соответствующих очень нужных для государства информационных технологий.

Оборотные штрафы и вообще что-то в этом роде – безусловно, нужно об этом подумать. Оборотные штрафы – Вы не случайно об этом сказали, потому что для тех или иных компаний оборотные штрафы могут быть просто колоссальными, и это, конечно, серьёзная вещь. Но, безусловно, ещё раз подчеркну, Вы правы в том, что должны быть проработаны и должны быть приняты соответствующие решения, защищающие интересы граждан.

Что касается возврата средств, утраченных гражданами в результате мошеннических действий с использованием новейших технологий. Здесь есть определённые сложности, которые заключаются в том, что подчас эти средства похищаются – а они похищаются или выманиваются у людей внешне такими способами и средствами, в том числе с помощью современных социальных технологий, что вроде как человек сам, добровольно отдал или что-то даже подписал. И здесь, конечно, очень тонкая грань ответственности за то, что происходит. Но она, какой бы тонкой ни была, всё равно есть, и это в любом случае мошеннические действия, которые идут во вред гражданину, нарушение его прав.

Мы с вами знаем, что сегодня большинство банков чаще всего, в большинстве случаев подобного рода возмещают гражданам утраченные средства. Но Вы тоже правы в том, что должна быть выработана какая-то система, какой-то общий подход к решению вопросов подобного рода. Сегодня большинство финансовых организаций даже учитывают в своих расходах приблизительные средства, которые идут на возмещение утраченных средств гражданам. Но подумать об этом нужно и систематизировать нужно, поэтому я согласен с Вами. И Минцифре, и МВД, и Центральному банку соответствующие рекомендации и поручения будут даны. Спасибо.

Пожалуйста. У нас, я так понимаю, что список тех, кто хотел бы выступить, закончен уже давно, кто хотел бы что-то ещё сказать или сделать предложение?

В.Фадеев: Владимир Владимирович, у нас четыре запланированных выступления, мы уже под два часа работаем. Если позволите, вот эти четыре. И я попрошу коллег по возможности покороче.

В.Путин: Пожалуйста.

В.Фадеев: Ева Михайловна Меркачёва, обозреватель газеты «Московский комсомолец».

Е.Меркачёва: Добрый день!

Я буду говорить о гуманизме и милосердии внутри нашей страны, буду к этому призывать. Хочу рассказать Вам про СИЗО, следственные изоляторы, где люди, напомню, находятся до приговора. У нас там сейчас огромное количество людей – порядка 120 тысяч человек. Я, когда в этом году мониторила СИЗО, видела многих, которые спят на полу или по очереди, потому что СИЗО переполнены.

У нас в российских СИЗО очень много женщин, у которых дома малолетние дети. Абсолютное большинство этих заключенных подозреваются в ненасильственных преступлениях и не представляют никакой угрозы для общества. Они сидят до приговора только потому, что так удобно следствию, потому что это способ давления, лучше которого на сегодняшний день еще ничего не придумали правоохранители.

В этом году я находила в СИЗО немало женщин, которые сидели там по три, четыре, даже пять лет. Я об этом рассказывала на Юридическом форуме. Спасибо Татьяне Николаевне Москальковой, я предоставила по ее просьбе список женщин, которые сидят пять лет до вступления приговора в законную силу. Вдумайтесь, пять лет. За это время можно сделать все, что угодно: открыть бизнес, получить высшее образование, вырастить ребенка. Они сидят, еще, повторюсь, не признаны виновными.

Это при том, что условия в СИЗО приравниваются к строгому режиму, а строгий режим не предусмотрен российским законодательством для женщин в качестве наказания. То есть еще не признанные виновные сидят в таких условиях, в которых не могут находиться, даже когда им дадут реальный срок.

Это юридический казус. На него в этом году обратили внимание даже некоторые сенаторы, но пока ничего не сделано. Тем не менее я напомню, что женщин, которые содержатся в СИЗО до приговора и обвиняемых в ненасильственных преступлениях, становится только больше.

Самое страшное здесь то, что страдают дети. Дети-то точно ни в чем не виноваты. Я, когда ходила по камерам женского СИЗО, просила поднять руки женщин, у кого есть дома малолетние дети – огромное количество.

Приведу несколько примеров, чтобы это было показательно.

Например, сидит женщина четыре года уже, она бывшая владелица турфирмы, экономическое преступление. Ребенок думает до сих пор, что мама лечится где-то в далекой стране, что ей поэтому нельзя ни позвонить ему, ни увидеть его. Четыре года сидит.

Или другая женщина, у нее трое детей, а дети думают, что мама полетела осваивать космос, какие-то новые планеты. Я напомню, что сейчас свидания и звонки разрешены только, если дает добро следователь. В свое время я рассказывала, что мы подготовили законопроект, который бы вывел из-под ведения следователя вот это право – давать звонки детям, но, к сожалению, наш законопроект был заблокирован силовиками, и по-прежнему родители не могут связаться со своими детьми.

Не знаю, могу, наверное, еще какую-то историю рассказать, для того чтобы вы поняли вообще весь ужас ситуации. Вот женщину недавно я встретила, она преподаватель одного из военных вузов, профессор, у нее пять детей. Один из детей – аутист, самому маленькому ребенку пять лет. Вот ее, повторюсь, бросили в СИЗО по экономическому преступлению. Сразу ей сказали, что и мужа посадят, муж – адвокат, и мужа посадили. Дети остались без обоих родителей.

Вообще это такая тенденция, когда сажают сейчас сразу и маму, и папу, чтобы они боялись и сразу давали признательные показания. Вот в случае с этой женщиной было удивительно, что она нам потом рассказала, как ее возили на следственные действия в Москве в кандалах. Честно говоря, я сначала не поверила, а потом у нас были еще обращения. Это вообще новая история. В этом году стали использовать так называемые средства «Ажур», МВД закупило порядка 20 тысяч таких средств, спецсредств – это ограничение подвижности. И есть уже рекомендация от конвойного полка использовать их.

Я бы очень просила Вас запретить использовать такие средства в нашей стране в отношении женщин, предпринимателей, вообще всех людей, которые обвиняются в ненасильственных преступлениях. Понятно, может быть, если это террорист, если это насильник, маньяк, то можно одеть на него это средство, эти кандалы, но так это просто какое-то Средневековье. Повторюсь, раньше этого не было, это вот что-то новое, непонятно, чем объяснить такое странное поведение.

Хочу сказать еще, поскольку тему СИЗО затронула, что у нас в этом году настоящая катастрофа – рекордное количество смертей заключенных от болезней. Некоторые заключенные, например, на моих глазах умирали.

Расскажу историю парня, ему 25 лет, обвинялся в мелком мошенничестве. Мы к нему пришли в камеру, он уже лежал, неподвижный был, но суд и следствие считали, что он может содержаться под стражей. Он умер. Повторюсь, экономическое преступление.

Было страшно, когда умер практически тоже на глазах у всей страны новосибирский ученый. Он, правда, обвинялся в госизмене, это страшное преступление, но тем не менее. Его вывезли из Новосибирска, отключили от всех аппаратов жизнеобеспечения, привезли в «Лефортово», и он через сутки

скончался. Последняя стадия рака, человек мучился, даже сложно представить, как его везли.

Вообще, огромное количество у нас людей сейчас еще живых, но которые являются инвалидами – они слепые, безногие, и я хотела бы просить в первую очередь за них. Опять же, если мы говорим про этих больных людей и про женщин, мы в первую очередь про тех, кто обвиняется в ненасильственных преступлениях, то есть это экономика, это какие-то другие, но это точно те люди, которые, оставшись на свободе, не начнут грабить и убивать. У нас есть домашний арест, у нас есть залог, наконец, есть подписка о невыезде.

Еще, конечно, я хотела бы, чтобы Вы все-таки озвучили свою позицию по поводу возврата смертной казни. Сейчас мы очень часто слышим от разных государственных деятелей о том, что хорошо бы ее вернуть. Вы много раз говорили, что против смертной казни, хотелось бы понять, Ваша позиция поменялась или нет.

Еще напоследок. Отдельно я бы хотела Вам передать потом доклад по ситуации с осужденными, которые в колониях и СВО.

Спасибо.

В.Путин: Что касается смертной казни. Совсем недавно, выступая на съезде судей, Председатель Конституционного Суда Валерий Дмитриевич Зорькин говорил об этом. Он сказал, отвечая на запросы тех, кто выступает за возврат смертной казни, что для этого нам придется просто поменять Конституцию. Поэтому моя позиция не поменялась в этом смысле. Первое.

Второе – по поводу того, с чего Вы начали: женщины с детьми и всё, что с этим связано, с арестами и так далее. Ева Михайловна, Вы потом перешли и к другим категориям, и это очень правильно. Почему? Потому что как только Вы сказали про женщин с детьми, но и женщин-то жалко, честно говоря, которые сидят там за решеткой, тем более детей жалко, которые без мамы остались, это очевидная вещь. Но, конечно, у нас есть и другие категории. Просто женщины без детей, они чем хуже-то? Или те же самые инвалиды? Тоже возникают вопросы социальной справедливости, и здесь нужно какое-то единообразное отношение ко всем этим категориям граждан. Первое.

Второе, что совершенно очевидно, недопустимо: если до суда человек сидит пять лет за решеткой в камере предварительного заключения, то это, конечно, явное нарушение прав человека. Мы уже об этом говорили много раз, и я руководству Следственного комитета, и МВД, и другим правоохранительным специальным службам неоднократно говорил о том, что нужно такую практику прекратить.

Нужно определять сроки расследования по любым уголовным делам, они не должны вечно вести уголовные дела, ссылаясь на непреодолимые объективные сложности. А если в определенное время, отведенное для следствия, не удастся завершить уголовное дело, – бывают очень сложные дела, это правда, – то в этом случае нужно или прекращать, или, во всяком случае, нужно освобождать, не переходить к другим мерам пресечения.

В жизни ситуаций очень много. К сожалению, в том числе женщины с детьми используются наркоторговцами, скажем, для закладки наркотиков и так далее. Много жизненных ситуаций. Поэтому мы должны стремиться к тому, чтобы избежать крайностей, и к тому, чтобы наша судебная система, правоохранительная в целом была справедливой. Надо к этому стремиться.

Я обязательно соответствующие поручения дам и Генеральной прокуратуре, и Министерству внутренних дел, и попрошу Верховный Суд тоже проанализировать практику подобного рода.

Что касается того, что кого-то возят на допросы в кандалах, тем более за экономические преступления, я даже не знаю, как это квалифицировать. Но обещаю Вам, что внимание на это будет не просто обращено, а добьемся того, чтобы подобная практика была, безусловно, прекращена.

Предложения Ваши оформите, пожалуйста, и передайте. Поработаем с этим обязательно. Как я уже сказал, и Генпрокуратуру, Верховный Суд попрошу проработать все эти вопросы, и Следственный комитет.

Пожалуйста, кто еще, прошу вас.

В.Фадеев: Следующий выступающий – Ольга Юрьевна Демичева, президент Международной благотворительной общественной организации «Справедливая помощь Доктора Лизы».

Ольга Юрьевна, пожалуйста.

О.Демичева: Да, спасибо.

Владимир Владимирович, позвольте, я вернусь к теме Донбасса. Я хотела бы сейчас сказать о развитии здравоохранения на Донбассе.

Первым делом я выполняю поручение врачей Республиканского травматологического центра города Донецка. Три дня назад я вернулась с Донбасса, и они недавно спросили меня, увижусь ли я с Президентом. Я сейчас вижу, и они просили Вам передать, что они работают, что они будут работать, что они считают себя гражданами России с 2014 года, и они ни о чем не просят: ни о повышении заработных плат, ни об облегчении условий труда – работают больше чем на две ставки. Они работают без воды – в Донецке нет воды вообще, Владимир Владимирович. Они работают с перебоями в подаче электроэнергии, зачастую в холодных помещениях и, естественно, под постоянными обстрелами. Конечно, слово «естественно» здесь не подходит, но это ежедневная ситуация, которая происходит в городе Донецке. Люди выходят утром на работу и не знают, вернутся ли они живыми домой.

Кроме того, те люди, которые находятся на территории Донецкой и Луганской республик с 2014 года, которые сделали свой выбор и которые остались там жить и работать, – это особые люди, это особая ценность России. И для этих людей должны быть созданы самые достойные условия в плане возможности получения медицинской помощи. Сейчас ситуация обстоит следующим образом.

В связи с тем, что мы находимся в переходном периоде, оказание плановой медицинской помощи, той, которая оказывается по ОМС, затруднено для граждан этих территорий. Ее возможно получить, но это очень громоздкий путь, долгий, сложный, и чаще людям проще обратиться в благотворительные организации, для того чтобы эту помощь получить платно. Мы не отказываем. Благотворительные организации стараются все для этого делать, но таких людей много. Всё закрыть НКО не могут, должна заработать система.

Еще один момент – оказание помощи в плане профилактики социально значимых инфекций. До начала специальной военной операции гуманитарные миссии Всемирной организации здравоохранения, которые заходили на территорию ДНР

и ЛНР, обеспечивали эти республики диагностическими тестами, средствами профилактики, лекарственными препаратами для лечения туберкулеза, ВИЧ, гепатита С и так далее. Не от большой любви, я думаю, а потому что распространение инфекции им тоже не нужно. Сейчас они оттуда ушли, и я общалась с главными врачами соответствующих клиник, этих средств сейчас не хватает, нам необходимо закрыть эту брешь.

Далее. Когда мы, врачи, приходим на территорию Донбасса с оказанием помощи нашим коллегам, тут не должно быть одностороннего процесса. Дело в том, что за почти девять лет на территории Донбасса накоплен колоссальный опыт по лечению минно-взрывной травмы. И этого не умеют делать сегодня наши травматологи так, как это умеют делать на Донбассе. Поэтому необходимо создать те обучающие бригады, которые работали бы с нашими врачами, с нашими хирургами и травматологами. Врачи Донбасса должны делиться своим опытом с нами по этим вопросам.

Далее. Есть некоторые направления медицинской помощи (и это тоже особенности военного времени), которые просто отсутствуют фактически на Донбассе. В частности, это паллиативная помощь. Она практически не представлена в Донецкой и совсем не представлена в Луганской республике. Хосписов нет ни одного, настоящих паллиативных отделений нет, есть единичные койки. В этом направлении тоже необходима работа.

И наконец, очень важно, чтобы некоммерческим организациям, которые сейчас помогают Донбассу – а мы организации быстрого реагирования, что называется, к нам обращаются – мы моментально реагируем, – не препятствовали в плане приобретения медицинских расходников, необходимой аппаратуры для клиник, и так далее.

Пока идет переходный период, пока удовлетворяются заявки по обеспечению клиник, проходит время, а людей лечить надо сейчас.

У меня все. Спасибо.

В.Путин: Во-первых, спасибо Вам за то, что Вы продолжаете то дело, которое было начато доктором Глинкой. Но вопросы, конечно, не становятся менее

актуальными, а может быть, даже более острыми, по сравнению с тем периодом, когда Ваша предшественница героически занималась этой работой.

Что касается врачей Донбасса. Да, конечно, у них большой, серьезный опыт в лечении определенных пациентов, особенно с минно-взрывными поражениями и так далее, и надо это использовать. Но в то же время понятно, что они нуждаются в переподготовке, в получении дополнительных знаний, в приобретении опыта работы на современном оборудовании, которое должно туда поступить.

Конечно, врачи по большей части, особенно которые работают в таких тяжелых условиях, они люди особого склада, особого характера, особой мотивации благородной. Они ничего не просят, но, безусловно, они полностью должны в ближайшее время войти в наше правовое поле, в поле социальной защиты, уровня заработной платы и так далее.

Все это, безусловно, должно быть сделано, и мы неоднократно говорили уже. Я неоднократно говорил и с Министром здравоохранения, и с Татьяной Алексеевной Голиковой, которая как вице-премьер курирует эту сферу. И соответствующие планы работы с коллегами на новых территориях сейчас верстаются и будут реализованы. И сейчас уже работа идет, как Вы знаете.

К большому сожалению, одна из их коллег российских только что погибла на одной из этих территорий. К сожалению, это произошло – правда, в результате ДТП, это трагическая случайность, трагический случай, там водитель не справился с управлением на скользкой дороге. Но она же там была не просто так, не в туристической поездке. Она помогала местным врачам в оказании медпомощи, прежде всего детям, речь шла об обследовании детей. Работала там уже достаточно долго.

Так что работа-то эта идет, она должна приобрести системный характер. И здесь Вы абсолютно правы, спасибо, что обратили на это внимание, и особенно за то, что сказали о том, что нужны препараты для лечения социально значимых заболеваний, имеется в виду ВИЧ, туберкулез и так далее, которые раньше поступали по линии различных организаций. Да, многие из них, видимо, ушли, и эта ниша должна быть заполнена как можно быстрее, если она действительно возникла. Судя по тому, что Вы говорите, эта ниша есть. И мы, конечно, этим займемся сейчас, займемся обязательно.

Что касается тех условий, в которых люди живут и работают, – это тоже ответ на ту тему, которую мы сейчас только что обсуждали с Вашими коллегами. Вот Вы сказали об отсутствии воды в должном количестве и должного качества. Это объекты водоснабжения, которые контролируются ВСУ, которые препятствуют поступлению этой воды в миллионный город. Это геноцид, это просто продолжение геноцида. Никто не обращает на это внимание, никто. И это лишнее подтверждение того, что мы делаем все правильно. У нас просто нет выбора действовать по-другому.

Но проводя специальную военную операцию, мы, конечно, должны решать текущие вопросы, и, прежде всего, вопросы социального характера, поддержать в том числе и в данном случае медицинских работников по всем тем направлениям, о которых я сказал. Мы обязательно будем это делать.

Вам спасибо большое за внимание, которое Вы уделили этим вопросам, и вообще за Вашу работу в продолжение того, что делала Ваша, еще раз это хочу подчеркнуть, героическая предшественница.

Спасибо большое.

Пожалуйста, что-то еще?

А.Фадеев: Горгадзе Шота Олегович, управляющий партнер адвокатского бюро «Горгадзе и партнеры».

Шота Олегович, пожалуйста.

В.Путин: Пожалуйста.

Ш.Горгадзе: Уважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые коллеги!

Я хочу затронуть тему, которая касается достаточно, может быть, небольшого количества людей, но крайне незащищенных. Это люди, которые судом признаны либо ограниченно дееспособными, либо лишены дееспособности.

Действующее законодательство позволяет им в последующем обратиться с заявлением в суд о восстановлении своей дееспособности. Но пока судом они не будут восстановлены в дееспособности, они не имеют права заключать сделки. Соответственно, подписать соглашение с адвокатом, для того чтобы он принял поручение и представлял интересы лишенного дееспособности в суде, они не могут. Поэтому этот процесс для них становится крайне затруднителен.

Мы провели определенные консультации и с Министерством труда Российской Федерации, и с [Московским научно-исследовательским] институтом [психиатрии] Сербского, и с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации. Они все поддерживают инициативу, которую я сейчас хочу озвучить, Владимир Владимирович, – это необходимость участия адвоката в подобной категории дел, в том числе по назначению, а не по волеизъявлению непосредственно своего заявителя. То есть, когда человек подает заявление о восстановлении дееспособности, то обязательно его интересы должен представлять адвокат, в том числе, возможно, оплата этого адвоката должна осуществляться за счет бюджета.

На мой взгляд, если Вы дадите рекомендацию Государственной Думе внести в гражданско-процессуальное законодательство изменения, которые предусматривают обязательное участие адвоката в таких делах, это намного облегчит жизнь людей, которые в силу определенных болезней были ограничены либо лишены дееспособности.

Не могу также не сказать, уважаемый Владимир Владимирович, на тему, которая беспокоит любого здравомыслящего гражданина нашей страны, да и, мне кажется, это касается не только наших с Вами сограждан. Это, кроме той оголтелой русофобии, о которой сегодня уже многие коллеги говорили, и Вы отмечали тоже, запрет на русскую культуру, уважаемые коллеги.

Это же наказание самих себя, получается. Ладно, они ненавидят все русское и пытаются превратить образ россиянина в образ врага. Но лишать себя той многовековой культуры, которой обогатила русская литература мировую литературу? Музыка, искусство. Я знаю, что в некоторых странах пытались запрещать Достоевского. Недавно был скандал в оперном театре «Ла Скала», когда они попытались открыть сезон оперой Мусоргского. Посол Украины в Италии написал письмо о недопустимости открытия оперного сезона в Италии оперой русского композитора.

Я просто к чему об этом говорю? Мне кажется, что да, безусловно, мы должны защищать наших соотечественников за рубежом, но мы должны еще и обратить – я, правда, не совсем понимаю, каким образом – внимание на то, чтобы защитить и ту культуру, которая стала частью мировой культуры, которую сейчас некоторые, на мой взгляд, достаточно глупые люди пытаются просто изъять из мировой сокровищницы.

Это, конечно, несусветная глупость, которая творится, но каким-то образом защитить это ради будущих поколений, мне кажется, мы должны. Спасибо.

В.Путин: Да.

Шота Олегович, первое, что касается восстановления дееспособности тех наших граждан, которые признаны когда-то недееспособными. Конечно, я поручу Минтруду, другим профильным ведомствам продумать это, подумать и предложить решения.

Дело не в деньгах. Деньги-то бюджетные наверняка небольшие – сколько там таких обращений будет. Это обязательное участие адвоката по поручению государства и за счет государства, эта практика широко применяется, и адвокаты соответствующие деньги за это получают, правда, от государства, но они обязаны защищать интересы клиента по поручению государства. Это все можно сделать.

Здесь только нужно продумать все детали, которые вот с чем связаны: не привело бы это к ограничению возможностей для тех людей, которые нуждаются в правовой защите. Что имею в виду? Что если уж и принимать какие-то решения в этом смысле, в том числе на уровне закона, то нельзя ограничить возможности людей, скажем, обратиться к таким юристам, услугами которых они сами хотели бы воспользоваться, в том числе юристам из тех же самых правозащитных или неправительственных организаций, профильных организаций. На эту тему надо обязательно подумать. Это первое.

А второе, что касается части Вашего вопроса, касающегося русской, российской культуры. Мы говорим «русская культура», но Расул Гамзатов – это представитель русской культуры или не совсем? А тот же Гоголь – это русский писатель или украинский?

Конечно, это дурь. Как сказал известный наш музыкант, они просто дураки, те, кто вводит такие ограничения, они сами себя лишают части мировой культуры.

Я, честно говоря, даже не знаю, нужно ли нам как-то противодействовать этому. Почему? Потому что те, кто это делает, явно враги нашей страны, они своими действиями сами наносят себе ущерб, и нужно ли предотвращать этот ущерб, который они сами себе наносят? Логика такая, вроде как изощренная, но, мне кажется, это все-таки логика, которая имеет право на существование. Давайте подумаем. Но здравомыслящие люди, в том числе в зарубежных странах, конечно, понимают чушь того, что правящие круги в некоторых странах делают.

Президент Турции господин Эрдоган тоже обратил на это внимание, он вспомнил о том, что только нацисты в 30-х годах прошлого века сжигали книги классиков на площадях, и сравнил эти действия нацистов с тем, что происходит в некоторых странах в отношении русской культуры сегодня. И это правильное сравнение. Вот когда люди со стороны, а тем более политические деятели такого уровня, обращают внимание на то, что происходит, это даже, мне кажется, гораздо более эффективно, чем мы как-то будем всегда указывать пальцем на эту дурь, которая процветает в некоторых странах.

А то, что происходит, – это, конечно, удивительно. Удивительно, это правда. Сами себе наносят ущерб. Будем иметь в виду то и тех, с чем и с кем мы имеем дело. Это значит, что наши оценки их моральных качеств являются правильными. И это подтверждает правильность того, что мы делаем, на самом деле.

Пожалуйста.

В.Фадеев: Владимир Владимирович, если позволите, еще одно выступление, оно для нас важно. Вы своим Указом недавним ввели в состав Совета представителя новых территорий: Елена Николаевна Шишкина – член президиума общественного движения «Свободный Донбасс».

Пожалуйста, Елена Николаевна.

Е.Шишкина: Добрый день, Владимир Владимирович!

Коллеги!

Владимир Владимирович, передаю Вам поклон жителей новых регионов Российской Федерации за возможность вернуться домой. Мы долгие, долгие годы к этому шли, и, наконец, в этом году свершилось. Для нас это праздник, пока со слезами на глазах, к сожалению.

Что же касается поддержки регионами СВО. Здесь ничего не нужно обсуждать: наши мужчины с оружием в руках защищают с 2014 года русские территории, женщины в тылу куют победу, и вообще из-за ежедневных обстрелов регионов мы каждый день теряем мирных жителей, мы теряем детей, мы теряем стариков. Каждый житель Донбасса – это сейчас герой. Такой же героиней была и Мария Пирогова. Я Вам благодарна, что Вы отметили государственной наградой ее вклад в развитие Российской Федерации.

Есть такой системный вопрос, Владимир Владимирович. 7 апреля 2014 года были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики, но для так называемого мирового сообщества де-юре мы оставались территориями государства Украина.

За период с апреля 2014 года по 30 сентября 2022 года, когда мы вошли в состав Российской Федерации, жители Донецкой и Луганской народных республик, новых территорий были привлечены к уголовной ответственности Украиной за особо тяжкие преступления. Это врачи, учителя, госслужащие, которые не смирились с государственным переворотом в 2014 году, не согласились с правящим нацистским режимом. И эти люди были осуждены, и приговоры вступили в силу именем Украины за такие преступления, как государственная измена, шпионаж, финансирование терроризма, это очень, очень тяжкие статьи. После воссоединения с Россией, после возврата домой, информации с баз правоохранителей Украины сейчас значатся в базах правоохранительной системы Российской Федерации.

Таким образом, получается, что на сегодня тысячи граждан России, жители новых регионов, имеют судимость по особо тяжким преступлениям, что нарушает их гарантированные Конституцией права. Они не могут заниматься предпринимательской деятельностью, быть опекунами, быть избранными, быть госслужащими и так далее.

Обратиться в суды Российской Федерации мы не можем в связи с тем, что, согласно законодательству России, суды реабилитируют в Российской Федерации

только лиц, которые незаконно привлечены к ответственности и осуждены судами Российской Федерации. Мы здесь имеем дело с так называемым государством Украина.

Владимир Владимирович, очень прошу Вас рассмотреть вопрос издания нормативно-правового акта, которым будут не признаны судимости, приговоры Украины жителям новых регионов, осужденным по политическим мотивам.

Еще о приговорах. Украина не стесняется восемь с половиной лет содержать в тюрьмах, в плену, подвергать пыткам жителей русскоязычных только лишь за то, что мы русские.

В 2018 году на территории Донецкой и Луганской народных республик прошли общественные народные трибуналы, которыми были признаны виновными в совершении военных преступлений все высшее политическое и военное руководство Украины. Данный приговор мы направили во все правозащитные международные организации, однако на тот момент у нас не было инструмента для его исполнения, так как республики, я уже говорила, были непризнанными.

С 2014 года на территории регионов ведется фиксация военных преступлений, она ведется и правоохранительными органами, затем эту работу подхватил Следственный комитет Российской Федерации, и она ведется и Общественной комиссией, кстати, о которой говорили ранее коллеги, по аналогии с комиссией в Советском Союзе.

Владимир Владимирович, летом этого года очень широко было анонсировано проведение международного трибунала над нацистами. Валерий Александрович Фадеев выступил с предложением создать комиссию международную по расследованию преступлений нацистов, военных преступлений. Очень прошу Вас вернуться к этому вопросу. Люди Донбасса требуют справедливости, они требуют восстановить эту справедливость. Мы не просим стирать с лица земли города Украины, мы знаем, какая это боль, мы ее все переживаем. Мы просим провести трибунал для того, чтобы это была некая прививка от нацизма и эта коричневая чума прекратила свое шествие по миру.

Последствия преступлений украинской власти, – а если мы говорим об украинских преступлениях, на самом деле это коллективный Запад борется руками Украины

с нами, – помимо раненых, убитых мирных граждан есть еще такое последствие, как ущерб. На территории регионов действуют уже много лет общественные комиссии по подсчету ущерба, причиненного вооруженной агрессией Украины. По состоянию на сейчас, эта сумма составляет более чем 1 триллион 321 миллиард российских рублей, и это не окончательная сумма: она растет с каждым днем. И не все объекты мы смогли обследовать в связи с тем, что прифронтовые зоны, постоянные обстрелы, просто туда физически нет доступа.

В один из разделов ущерба входит и ущерб, причиненный жилищам наших граждан. Уже восемь с половиной лет наши люди без крыши над головой, потому что их дома разрушены Украиной, борются с этим нацизмом. Они вынуждены проживать в пунктах временного размещения, арендовать квартиры, выезжать в соседние регионы. Это целые трудовые шахтерские династии, династии учителей, врачей. Донбасс – это вообще регион-труженик.

Что еще хочу отметить. Согласно нормам международного права, возмещает ущерб то государство, которое виновно в причинении этого ущерба, то есть государство Украина. С 2014 года на территории двух регионов – Донецкой и Луганской народных республик – было подано более десяти тысяч жалоб в Европейский суд по правам человека о возмещении ущерба, где ответчиком значилось государство Украина в лице Президента – сначала Порошенко, а затем Зеленского. Однако мы на своем опыте увидели, как так называемый Европейский суд по правам человека заполитизирован, он не исполняет функций, возложенных на него уставом, и не является справедливой судебной международной инстанцией. Эти иски за долгое время не были рассмотрены, а затем по надуманным формальным основаниям они были возвращены.

Владимир Владимирович, в связи с этим очень прошу Вас рассмотреть вопрос восстановления жилья жителей региона, в частности территории, мы называем ее исторической, до 24 февраля 2022 года. Это те люди, которые уже восемь с половиной лет воюют с нацизмом, не имея крыши над головой. Они хотят вернуться в свои дома, трудиться на благо Родины, жить, просто жить и рожать детей.

Несмотря на то, что в очень тяжелом состоянии и обстоятельствах сейчас находятся жители России, жители региона – это ежедневные обстрелы, мы трудимся, мы куем победу в тылу, мужчины на фронте защищают нашу Родину, и мы

Вас не подведем. Бойцы просили Вам передать, что Вы можете на них рассчитывать.

Благодарю, Владимир Владимирович.

В.Путин: Вы знаете, прежде всего хочу сказать, что мужчины ваши воюют очень достойно, просто реально пример подают всем другим и очень эффективно. Даже удивительно! Крепкие мужчины, настоящие, это правда. Это первое. Не мог этого не сказать.

Теперь по поводу вопросов, которые Вы поставили. Граждане, осужденные по политическим мотивам, жители Донбасса. Конечно, нужно прекращать все эти дела и положить конец этому состоянию дел за отсутствием самого состава преступлений. И такое поручение, конечно, будет Генеральной прокуратуре России дано. Уверен, что этот вопрос будет проработан в самое короткое время и решение будет принято.

По поводу общественных трибуналов. Вы сказали, с 2018 года такие решения принимаются общественными трибуналами. Даже если что-то сегодня не реализуется, все равно такие решения лишними не будут, и неонацистский режим, и действие этого неонацистского режима должны получать свою оценку.

То же самое касается и возмещения Украиной ущерба, нанесенного Донбассу, жителям Донбасса, всем этим территориями, сегодня новым территориям России. Это тоже лишним, точно совершенно, не будет. Но я с Вами согласен: дожидаться чего-то там со стороны Украины бессмысленно и нужно помогать людям, которые утратили свои жилые помещения начиная с 24 февраля еще 2014 года, когда начались там тяжелые, трагические события. Я думаю, что нужно будет создать отдельную программу помощи людям – программу восстановления жилья.

Мы сейчас работаем на тех территориях, где прошли совсем не давно боевые действия, в том числе, скажем, в Мариуполе, работа идет достаточно активно, нужно сделать все, чтобы люди не оказались на улице, такое поручение у Правительства есть. Работы идут достаточно быстрыми темпами. Надеюсь, что люди, которые живут в Мариуполе, это видят.

Это происходит и за счет федерального бюджета, силами федерального Правительства, но и за счет некоторых регионов, в том числе и за счет Санкт-Петербурга, специалисты, которого работают в Мариуполе и работают достаточно энергично. Но программу по поддержке и восстановлению жилья в целом на этих новых территориях, конечно, нужно будет создавать. Будем это делать обязательно и будем по разным каналам людям помогать восстанавливать свои права, в том числе и прежде всего права на нормальную человеческую жизнь, на жилищное право. Спокойненько, в рабочем порядке всё это будем делать, даже сомнений быть никаких не может.

А.Брод: Владимир Владимирович, можно несколько слов в продолжение разговора, если разрешите. Тоже подавал заявку на выступление. Брод Александр Семёнович.

В.Путин: Пожалуйста.

А.Брод: В продолжение разговора стоит обратить внимание и на приграничные регионы, такие как Белгородская, Курская, Брянская области. Тоже ведем мониторинг, выезжал, недавно был в Белгородской области. К сожалению, тоже регионы обстреливаются, отселяют жителей вглубь регионов. Должен отметить, что тем не менее сохраняется и стабильность, и спокойствие населения. Но это тоже требует дополнительных средств: восстановление жилья, социальных объектов, размещение людей.

Хотел обратить внимание на то, что в Курской области губернская дума разработала специальный закон о приграничных территориях, который подразумевает дополнительную финансовую поддержку именно на ликвидацию последствий этих обстрелов, восстановление инфраструктуры. Мне кажется, было бы полезным и на федеральном уровне разработать такой законопроект, который бы предусматривал дополнительные бюджетные средства для приграничных, граничащих с Украиной, регионов, для поддержки региональных бюджетов с тем, чтобы справиться с восстановлением территорий.

И пользуясь случаем, хотел еще несколько тем кратко затронуть. Приднестровье – непризнанная территория, которая сейчас вследствие агрессивных действий Украины и Молдовы оказалась фактически в блокаде. Свыше 200 тысяч жителей Приднестровской Молдавской Республики имеют российские паспорта. Они не могут порой выехать из республики, подвергаются унижительным досмотрам

на молдавской границе, на украинской границе их просто либо арестовывают, либо не пропускают. Давление на производителей, ограничение в поставках газа со стороны Молдавской Республики. Тоже, мне кажется, стоило бы обратить внимание на наших соотечественников и сограждан, проживающих там.

Еще один вопрос – вопрос о правосудии, так или иначе здесь это затрагивалось. Я знаю, что Татьяна Николаевна Москалькова с экспертами занимается разработкой положения о создании нового международного суда, учитывая то, что Россия вышла из Совета Европы, и теперь россияне не могут воспользоваться механизмами Европейского суда по правам человека. А жалоб на российское правосудие, к сожалению, много.

Сам недавно был в одном из регионов, в кассационном суде присутствовал, наблюдал за процессом. Адвокаты предъявили порядка 20 жалоб, обратили внимание на грубые нарушения в ходе судопроизводства, на первой и апелляционной инстанции, и, к сожалению, суд никак на это не прореагировал, приговор оставили в силе. А были такие грубые вещи, как, например, в качестве переводчика текста подключали врача районной больницы одного из российских регионов, то есть абсолютно человек без опыта, без подтверждения своей квалификации. Это только один из примеров. Поэтому хотелось бы узнать Вашу позицию относительно нового международного суда.

И вопрос относительно того, чтобы Верховный Суд больше контактировал и с нашим Советом, и с правозащитными организациями, экспертами, чтобы именно обсуждать те обращения, те предложения по совершенствованию российского правосудия.

Последний вопрос. Начиная с 2018 года благодаря Вам появился институт общественного наблюдения на российских выборах. Он очень хорошо себя зарекомендовал, растет и доверие к выборам, и к избирательной системе, растет конкурентность. Но, мне кажется, стоит подумать и о дальнейшем развитии этого института. В частности, предлагаю расширить систему общественного наблюдения, общественного контроля, в частности, функции общественного контроля можно было бы передать и уполномоченным по правам человека в субъектах, и подобным советам при регионах, советам по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Я считаю, что общественный контроль на выборах стоило бы распространить не только на день или дни голосования, поскольку сейчас используется многодневное голосование, но и на все стадии избирательного процесса, начиная с регистрации, – тоже весьма бывает проблемный момент, когда кто-то не соглашается, здесь стоило бы услышать мнение общественников, – а также на период агитационной кампании. Я думаю, общественное наблюдение усилило бы прозрачность выборов и доверие к ним.

Спасибо.

В.Путин: Начну с того, чем Вы закончили.

Конечно, общественный контроль на всех стадиях избирательного процесса, мне кажется, востребован. Почему нет. Сделает процесс выборов, как Вы сказали, более прозрачным, а значит, результат будет пользоваться большим доверием у наших граждан, что в свою очередь повысит авторитет любого уровня власти, который прошел через выборы.

Я с Вами согласен, надо проработать. Попрошу Правительство и Администрацию Президента подумать над Вашим предложением и внести свои предложения.

Что касается совершенствования системы правосудия. Конечно, мы постоянно занимаемся совершенствованием системы правосудия, и в этой связи хотел бы на что обратить внимание. Да, Международный суд по правам человека – это та структура, в которую действительно многие обращались. Но у нас есть Конституционный Суд, у нас не ограничивается только одной системой правосудия. У нас единая, правда, система правосудия, это понятно, но Конституционный Суд у нас существует отдельно, граждане могут обращаться в Конституционный Суд.

И Председатель Конституционного Суда Валерий Дмитриевич мне недавно рассказывал, сколько обращений, причем даже по совершенно конкретным вопросам, поступает в Конституционный Суд от граждан Российской Федерации за защитой своих прав. Но это совсем не значит, что мы не можем подумать над какими-то другими институтами, защищающими права граждан. Конечно, подумать можно. Пожалуйста, сформулируйте свои предложения, мы их и в Администрации рассмотрим, и дам соответствующие поручения другим ведомствам, которые напрямую связаны с работой системы правосудия.

По поводу граждан и их прав в Приднестровье, граждан Российской Федерации. Надо действовать, исходя из реалий. Мы всегда обращали внимание всех наших партнеров и коллег на необходимость соблюдения прав граждан Российской Федерации, проживающих на этой территории, на территории Приднестровья.

Что касается социально-экономической ситуации, то она непростая там, в том числе и по снабжению энергоресурсами. Мы ведь фактически бесплатно поставляем туда газ на протяжении многих лет. Бесплатно. Но в последнее время, поскольку газ идет через территории Молдавии, там возникают проблемы, потому что у Молдавии есть свои сложности, и сложности большие, мы видим это в экономической и социальной сферах.

А.Брод: Молдавия просто блокирует поставки газа в Приднестровье.

В.Путин: Не совсем они блокируют, потому что если они заблокируют, то тогда часть Украины не будет получать газ на электростанции. Поэтому дело не в том, что они блокируют: дело в том, что у них самих не хватает. Правда, в этих условиях они непонятно зачем часть газа, как они говорят, своего молдавского газа, полученного от нас, хранят на территории Украины. Просто с этим нужно разбираться, и я попрошу Минэнерго посмотреть на это повнимательнее.

А остальные Ваши предложения мы обязательно рассмотрим. Спасибо за то, что Вы обратили на это внимание.

В.Фадеев: Владимир Владимирович, спасибо.

Мы уже почти три часа [работаем]. Огромное спасибо за такую интенсивную работу. Все те поручения, которые намечены, мы будем вместе с Правительством и с Администрацией, с соответствующими подразделениями, управлениями будем готовить.

Я от лица всех, всего Совета, хочу сказать Вам огромное спасибо. И надеюсь, что мы приносим пользу стране и людям.

Л.Поляков: Владимир Владимирович, можно личную просьбу?

В.Фадеев: Нет, нет, господа, мы завершаем. У Владимира Владимировича следующее мероприятие, мы уже злоупотребляем.

В.Путин: Ну, пожалуйста, давайте.

Л.Поляков: Это очень важный вопрос.

В.Путин: Давайте, конечно, не сомневаюсь. Прошу Вас.

Л.Поляков: Владимир Владимирович, это Поляков Леонид Владимирович. Я 15 лет назад по Вашей личной просьбе, по указанию участвовал в создании нового учебника обществознания. Тогда создавался комплект – обществознание и учебник истории. Мне кажется, что сегодня назрела острейшая необходимость создания нового комплекта. Вы совершенно правильно напоминаете, кто начал войну, когда она началась. Всё это должно быть в школьных учебниках.

У меня к Вам просто огромная личная просьба. Давайте еще раз новый старт – от Вас должна исходить инициатива. Пожалуйста, сделайте это. Пусть новый учебник истории и новый учебник обществознания будет создан как можно быстрее, без всяких там проволочек, конкуренции и прочего. Мне кажется, школа ждет этого.

Спасибо Вам огромное.

В.Путин: Хорошо.

Леонид Владимирович, это очень важный вопрос, Вы правы абсолютно. Спасибо, что Вы настояли на том, чтобы его задать. Вопрос действительно общенационального значения.

История вообще важна для любого народа, особенно на каких-то сложных поворотах жизни государства. Для нас как раз такой момент наступил, когда мы обязаны очень внимательно относиться и к истории, и к формированию общественного сознания на базе достоверных исторических данных, а формируется всё, конечно, со школы.

Поэтому я согласен с Леонидом Владимировичем и прошу Администрацию Президента, правительственные структуры соответствующие, заинтересованные ведомства не просто обратить на это внимание, а в рамках тех процессов, которые сейчас идут по этому направлению, предпринять необходимые шаги вместе с экспертами и специалистами, для того чтобы это предложение было реализовано.

Я хочу всех членов Совета Президента по правам человека поблагодарить за ту работу, которую вы проводите. Она всегда важна, а сегодня для нашей страны она имеет особое значение. Повторю то, что сказал в начале: особое значение имеет именно сегодня, поскольку люди, которые по зову сердца занимаются вопросами важными для жизни общества и каждого конкретного человека, именно потому, что делают это по зову сердца, добиваются наилучших результатов в важнейших сферах жизнедеятельности общества и государства.

Вам большое спасибо. Хочу выразить надежду на то, что мы с вами продолжим эту работу и в следующем году. Ну а в текущем режиме, конечно, мои коллеги из Администрации Президента и тех профильных ведомств, с которыми вы так или иначе контактируете, – мы всегда в вашем распоряжении в ходе этой ежедневной совместной работы.

Я желаю вам всего самого доброго и еще раз хочу выразить слова благодарности за вашу работу.

Спасибо большое. Всего хорошего.

Статус материала

Опубликован в разделах: Новости, Выступления и стенограммы, Комиссии и Советы, Совет по развитию гражданского общества и правам человека

Дата публикации: 7 декабря 2022 года, 19:35

Ссылка на материал: kremlin.ru/d/70046